

Федотов В. Г. Промыслы Ярославской губернии

Ярославцев называют красавцами,
белотельцами, песенниками, запевалами,
чистоплюями, конфетчиками, кукушкиными
детьми (последними потому, что мужики
не сидят дома).
М. Толстой

ПРИРОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОМЫСЛОВ НА ТЕРРИТОРИИ НАШЕГО КРАЯ

Оценивая значение Верхней Волги в становлении российской государственности, крупнейший русский историк С. М. Соловьев писал: «Теперь обратимся к Великой России, государственному ядру. Здесь первое место принадлежит Верхней Волге, или Ростовской области...» [1]. С ним солидарен И. Е. Забелин: «...далекая Суздальская сторона в нашей земле и в нашей истории очень рано без всяких воинственных походов и завоеваний становится очень сильной, господствует над остальными княжествами, а потом втягивает в свое русло и всю историю Русской страны.

Сила Суздальской земли были сила промысла и работы, а стало быть, и сила устроенного хозяйства.

Таким образом, этот сравнительно небольшой угол между Окой и Волгой сам собою возродился в великую земскую и государственную силу всей Русской земли, стал ее настоящим сердцем» [2].

Отмечая природные особенности Верхней Волги, С. М. Соловьев обращает внимание на обилие рек и озер в Русской земле, которые «много содействовали единству народному и государственному». Он усматривает прямую зависимость между величиной исторически сложившейся области и размерами той или иной речной системы: «...чем область Волги больше области всех других рек, тем область Московского государства должна быть больше всех остальных частей России, а естественно меньшим частям примыкать к большей — отсюда понятно, почему и Новгородская озерная волость, и Белая, и Малая Русь примкнули к Московскому государству» [3].

Единственными и самыми надежными нитями, связывающими самые отдаленные русские земли в единое целое, были речные системы. Благодаря рекам издревле существовала тесная связь Ростова Великого с Господином Великим Новгородом. «Ростов Великий, — отмечает С. М. Соловьев, — при самом начале русской истории находился в тесной связи с Новгородом и его князьями. Такая тесная связь Ростова с Новгородом и Чудью объясняются тем, что Белоозеро связано с Ростовом водной нитью, эта нить есть река Шексна, которая вытекает из Белоозера и впадает в Волгу у нынешнего Рыбинска; Ростов же находится при озере Неро, из которой течет Которосль, впадающая в Волгу при Ярославле» [4].

Территория, на которой располагается Ярославская область, не имела себе равных по концентрации речных систем, судоходства, торговли, ремесел и промыслов: «Эта губерния (Ярославская—прим. авт.), кажется, есть единственная, располагающая такими громадными путями водных сообщений. Она является центром притяжения и исходным пунктом торговли и судоходства всей Волжской системы. Протекающие здесь Волга, Шексна и Молога издавна ставили ее в обширные и деятельные отношения с морями Каспийским и Балтийским» [5].

Чтобы более рельефно очертить особенности природных условий Верхней Волги, стоит сопоставить образ жизни славян Южной и Северо-Восточной Руси, обусловленный

различием геополитического характера.

Большой интерес представляют рассуждения по этому поводу историка И.Е. Забелина: «Русское поле отличалось превосходною черноземною почвою, которая с избытком вознаграждала владельца за самый легкий труд. Для скота здесь было полное приволье. Устройство самого жилья не создавало больших хлопот и забот. Но круглая беззащитность широкой степи создавала необходимость своего рода защитника: страх от внезапного набега хищных врагов создавал из украинца всегдашнего воина, который по необходимости промышлял тем же, что и охотник-кочевник» [6].

«Русь истощалась в борьбе с варварами, — пишет В.О. Ключевский. — Никакими мирами и договорами нельзя было сдержать их хищничества, бывшего их привычным промыслом»[7].

Постоянная внешняя опасность побудила славянские племена со второй половины X века начать активную колонизацию Верхнего Поволжья.

Следствием славянской колонизации Росто-Суздальского края, по мысли В.О. Ключевского, явилось образование другой ветви в составе русской народности — великорусского племени.

Природные условия, хозяйственный уклад, образ жизни славян в Северо-Восточной Руси были совершенно иными, нежели в Южной Руси.

Сравнительная таблица, составленная на основе суждений русских историков, позволяет выявить следующие различия:

Южная Русь	Северо-Восточная Русь
Ландшафт	
Степь, дубрава.	Дремучие леса, обилие рек, озер, болот.
Почва	
Чернозем.	Суглинок.
Эффективность земледелия	
Возделывание земли щедро вознаграждало земледельца за его труд	Низкая урожайность: земледелие не обеспечивало необходимых средств к существованию
Города	
Многочисленны; центры торговли и ремесел	Имеется незначительное число городов
Торговля	
Торговля — «главная пружина» народного хозяйства, ведется интенсивная торговля со странами Востока и Запада.	Внешняя торговля незначительна по причине удаленности от приморских рынков
Внешняя опасность	
Существовала постоянно, набега кочевников подрывали хозяйство, истощали силы народа.	Возникала эпизодически, природа защищала от вторжения врагов

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОМЫСЛОВ НА ТЕРРИТОРИИ НАШЕГО КРАЯ

Природные особенности региона Верхней Волги явились основой для возникновения и интенсивного развития промыслов. В восполнение скудного заработка от хлебопашества на верхневолжском суглинке, «крестьянин должен был обращаться к промыслам... здесь

причины развития мелких сельских промыслов, называемых кустарными... лыкодерство, мочальный промысел, зверогонство, бортничество, рыболовство, солеварное, железное дело — каждое из этих занятий издавна служило основанием хозяйственного бытия для целых округов» [8].

На низкую эффективность земледелия в данном регионе и как следствие этого, быстрое развитие промыслов указывает И. Е. Забелин: «...Так как в здешних местах надежда на земледелие плохая, то весь их (славянских колонизаторов — прим. авт.) смысл устремился на добывание и обработку всяких других произведений природы... Таким образом, здесь для русского славянства образовалась сама собою особенная и промышленная школа...

Вот почему с незапамятных времен здесь явились целыми деревнями и даже городами плотники, каменщики, кузнецы, кожевники, ткачи, лапотники, сапожники, мельники, сундучники, огородники, садовники и пр...

Возникла торговая предприимчивость и странствование за работой рабочих артелей, и за товаром, и с товаром купецких артелей...

...население становилось по необходимости кочевым, в смысле постоянного ухода из дома на промысел, на торг, на работу» [9].

Таким образом, кустарные промыслы возникали преимущественно в тех местностях, где земледелие не обеспечивало крестьянину минимальных средств к существованию.

Эту очевидную истину образно и ярко выразил историк Гацисский: «Не родит земля хлеба—родит кустаря; родит хлеб на кустарей неурожай» [10]. Создавалась парадоксальная ситуация: казалось бы, скудность почвы обрекала крестьянина русского Нечерноземья на жалкое прозябание, полуголодное существование. Впечатление обманчивое: уровень жизни, устройство быта, развитие хозяйства в деревнях Нечерноземья был нередко выше, нежели в хлебобродных губерниях.

Ярославский краевед П. И. Критский, особо выделяя основную причину зарождения промыслов на территории края, приводит рассказ старика, который, вспоминая былое, говорит: «Промыслы от бесхлебья пошли, бесхлебье их породило. В разных странах проводилось мне быть, чуть не всю Россию объехал, и везде, где ни бывал, видел одно: чем лучше земля, чем больше ее благодатью Господь наделил, тем хуже народу живется.

Смотришь, бывало, не надивуешься: родит земля всякого овоща и хлеба обильно, и разные плоды, о каких здесь у нас и не слыхивали, а народ беден... Отчего? — Промысла нет никакого... Земля-то щедра, всякого родит вдоволь, уход за ней не велик: человек-то и обленился, только бы ему на боку лежать, промыслы и на ум не приходят. А как у нас на святой Руси холод да голод пристукнул, рад бы полениться да некогда. И выходит: где земля хуже, там человек оборотливей, а от оборотливости все — и достатки, и богатство» [11].

Весьма интересны замечания Екатерины II, которая совершала в апреле-июне 1767 года поездку по России. Возвращаясь из Симбирска в Москву, она написала из Мурома Н. И. Панину: «Я на досуге сделаю Вам короткое описание того, что заметила дорогою. Где чернозем и лучшее произращение, как-то: Симбирская провинция и половина Алатырской, там люди ленивы и верст по 15 пусты, не населены, а земли не разработаны. От Алатыря до Арзамаса и от сего места до муромских лесов земли час от часа хуже, селения чаще и ни пяди земли нет, коя не была разработана, и хлеб лучше, нежели в первых сих местах, и нигде голоду нет» [12].

Сезонный характер земледельческого труда крестьянина, во время которого работник создавал минимальные «жизненные припасы» для себя и своей семьи вынуждал его длинными русскими зимами заняться обработкой природного сырья, чтобы иметь хоть какой-то дополнительный доход.

Значительное воздействие на возникновение и развитие кустарных промыслов оказывала и демографическая ситуация, характеризовавшаяся стабильно высоким приростом населения в течение длительного исторического периода: «с 1724 по 1796 годы ежегодный прирост составлял свыше 330 тысяч человек, с 1796 по 1835 свыше 615 тысяч, с-1835 по 1897 годы—свыше 2 миллиона человек. Таким образом, население страны ежегодно прирастало на 2

процента и удваивалось через каждые 50 лет» [13].

Та же тенденция резкого увеличения населения просматривалась и в Ярославской губернии. Английские путешественники Р. Ченслер и К. Адаме, побывавшие во многих городах и селах России в XVI в., отмечали: «Сторона между ними (Москвой и Ярославлем — авт.) изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля там хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что не веришь своим глазам. Каждое утро вы можете встретить от 700 до 800 саней, следующих туда с хлебом, а некоторые с рыбой» [14].

Однако значительный избыток населения в XVIII и в особенности в XIX в. не был востребован экономикой государства: относительно слабо развитая промышленность не в состоянии была обеспечить работой всех желающих, что приводило, в свою очередь, к перенаселению деревень. Угрожающий рост крестьянского населения создавал массу проблем, усугубляющихся нехваткой земельных площадей. Частично выход из положения виделся в развитии отхожего промысла.

Далеко не последнюю роль играл и человеческий фактор—менталитет, деловые качества сельчан: «Кому не известен своеобразный тин крестьянина Ярославской губернии? Даже самое физическое сложение резко отличает его от типов других губерний, а живой веселый характер, плутоватая изворотливость ума, довольно прямой взгляд на вещи и умение пользоваться плодами своего ума на счет других, всем этим, при красивом физическом сложении, обуславливается то, что из среды ярославцев не мало выделялось и выделяется дельных, даровитых людей и капиталистов» [15].

Степень развития кустарных промыслов определялись спросом на те или иные изделия на внутреннем и внешнем рынках, наличием тех или иных природных ресурсов в данном регионе.

П. А. Критский выделяет следующие виды промыслов: древодельный (судостроение, изготовление посуды, плетение корзин), обработка животных продуктов, сырья (катальный, овчинно-шубный, сапожный, варежный, щеточный, рукавичный); кузнечно-слесарный, обработка растительных волокон (полотняный, веревочный, тесемочный).

Творения умельцев — кустарей были заметным явлением духовной жизни общества, представляли немалую художественную ценность, несли неповторимый отпечаток творческой индивидуальности мастеров, национальной самобытности (вышивки, ковры, кружева, ларцы, финифть и т. д.).

КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Что такое «промысел»? В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова имеется толкование значения данного слова:

1. Промысел — добывание, добыча, охота на кого-либо;
2. Занятие охотой, добычей зверя, птиц и т. д.
3. Мелкое ремесленное производство, обычно как подсобное при основном, сельскохозяйственном [16].

Домашние промыслы, которыми занималась крестьянская семья в свободное от полевых работ время, назывались кустарными, а сами крестьяне — кустарями.

«Кустарщина — то, что делается кустарно, без современных технических приемов, неумело, несовершенно, неорганизованно», читаем мы в «Словаре русского языка».

Разумеется не все изделия, производимые в прошлом, можно именовать словом «кустарщина». Умелые руки кустарей создавали подлинные шедевры, которые сохранили красоту до наших дней и представлены в музеях.

В сознании некоторых людей понятие «кустарный промысел» вызывает ассоциацию с ремесленным производством; нередко возникает почти полное отождествление этих близких понятий. Для сравнения предлагаем следующую таблицу.

Кустарные промыслы	Ремесло
СХОДСТВО	
Изготовление изделий (товаров) ручным способом — собственными орудиями производства, из своего или покупного сырья для продажи. Производство осуществляется в основном на дому.	
РАЗЛИЧИЕ	
Размещение производства	
Сельская местность	Город
Социальное положение работников	
Кустарь — крепостной крестьянин (до 1861 г.)	Ремесленник — свободный человек
Форма объединения	
Артель	Цех
Уровень профессионализма	
Кустарь — отчасти профессионал	Ремесленник — квалифицированный профессионал
Промысел побочное занятие	Ремесло — основное занятие
Время возникновения	
С древнейших времен	С появлением городов
Длительность существования в России	
Существовала в СССР (изготовление корзин, веревок, предметов быта, орудий труда,	Было ликвидировано в начале 30-х гг. XX в.
Существует ли в современной России	
Да	Да

Занятия промыслами в Ярославской губернии на протяжении веков носили патриархально-семейный характер и были слабо связаны с рынком; часть кустарных изделий использовалась в качестве уплаты оброка.

При мере развития товарно-денежных отношений кустарное дело приобрело новые черты: ярко выраженная специализация различных районов страны по выпуску той или иной кустарной продукции; стремление придать своим изделиям товарный вид; появление новых промыслов, ориентированных на рынок.

Во второй половине XVIII века удельный вес изделий, производимых российской деревней, возрастает. Одновременно на фоне быстрого развития промышленности, торговли (доходность которых была явно выше, нежели от землепользования) усиливаются экономические противоречия между основными сословиями. Дворяне уже не довольствуются исключительным правом владения имениями. Дворянские указы, направленные в Комиссию об Уложении (1767 г.), выражают безудержное стремление аристократии расширить свои привилегии за счет горожан. Они требуют предоставления права строительства промышленных предприятий, заниматься внутренней и внешней торговлей, а так же промыслами.

Горожане, в свою очередь, с возделением и завистью взирали на дворянскую привилегию, суть которой лаконично выразил С. М. Соловьев: «В Уложенной комиссии раздавался дружный и страшно печальный крик рабов!»

Сплоченно отстаивали свои интересы в Уложенной комиссии и государственные

крестьяне. Производя все больше продукции, крестьяне не имели права торговли и вынуждены были продавать произведенный товар оптом купцам, игравшим роль посредников, по невысокой цене. Вполне естественно, что производители товара всеми правдами и неправдами стремились стать вполне самостоятельными торговцами. Этот вопрос приобретал все большую остроту и актуальность. Купечество справедливо усматривало в мелких товаропроизводителях серьезных конкурентов. Примечательна дискуссия, развернувшаяся в комиссии об Уложении в 1767 – 1768 гг. Выступает депутат от Рыбной слободы купец Алексей Попов:

«Они (депутаты — авт.) предлагают, чтобы крестьяне, привозящие в город свои произведения, имели право продавать в розницу.

Итак, если все это будет утверждено, то купечество неминуемо придет в разорение, а с этим и торговля придет в совершенный упадок. Ибо хотя ныне крестьянам и разночинцам запрещено по закону торговать, но, несмотря на это, купцы терпят от них много обид и препятствий» [18]. Оратора из Рыбной слободы дружно поддержали другие депутаты.

Позднее вопреки настоятельным требованиям купечества ремесленники получили право открывать предприятия, а крестьяне — заниматься торговлей.

Наибольших успехов достигли крестьянские промыслы в нечерноземных, центральных губерниях страны, где одно из ведущих мест по праву принадлежало Ярославскому краю.

О степени распространения и становления кустарных промыслов в том или ином регионе дореволюционной России можно судить по размерам оброка, выплачиваемого крепостными крестьянами помещику.

Зависимость размеров оброка не от земли, а от подсобных промыслов была отмечена Гакстгаузеном, совершавшим путешествие по России в 40-х гг. XIX века; по его словам «оброк крепостных лежит не на земле, которую помещик дает крестьянину, но на его рабочей силе и его промысле» [19].

В то время как средний оброк в XIX в. в России колебался от 12 рублей 50 копеек до 27 рублей 56 копеек с «тягла», «в Ярославской губернии он повышался до 40-50 рублей» [20]. Ярославские помещики предпочитали переводить крестьян на оброк с представлением им свободы в выборе занятий.

Уже в конце XVIII в. в Ярославской губернии 78% крепостных крестьян являлись оброчными.

Зависимость оброка от степени развития крестьянских промыслов предопределила возникновение отходничества в Ярославской губернии. В конце XVIII в. крепостными крестьянами губернии «было взято 73663 паспорта» [21], что составило 1/3 взрослого населения губернии. Процент лиц, занятых отхожими промыслами, находился в обратной зависимости от посевной площади хлебов. Чем выше была площадь посева, тем меньший процент мужчин занимался отходничеством. Для семей имеющих достаточно земли, промысловые заработки были серьезным подспорьем для улучшения своего материального благосостояния. Для малоземельных крестьян занятия отхожими промыслами подготавливали окончательный разрыв с деревней, переселение в город, устройство на фабрику.

По данным статистического бюро губернского земства кустари в количественном отношении распределялись по уездам следующим образом (1902 г.):

Ярославский уезд — 6890 человек.

Мологский уезд — 3240 человек.

Ростовский уезд — 1870 человек.

Романовский уезд — 1850 человек.

Пошехонский уезд — 1200 человек.

Даниловский уезд — 980 человек.

Угличский уезд — 790 человек.

Рыбинский уезд — 450 человек.

Мышкннский уезд — 400 человек.
Любимский уезд — 50 человек [22].

Общее число кустарей в начале XX века составляло 17700 человек. Более половины кустарей проживало на территории Ярославского и Мологского уездов. В зависимости от типа обрабатываемых материалов, сырьё кустари подразделялись на группы, самой многочисленной из которых были работники, занимавшиеся обработкой древесины — 6,5 тыс. человек. Общее число занятых в древодельном промысле работников распределялось в 1902 г. по нескольким специальностям:

Судостроение — более 2 тыс. человек
Изготовление посуды — около 1100 человек.
Плетение корзин — до 900 человек.
Производство саней, телег — 520 человек.
Изготовление мебели — 460 человек.
Выделка сапожных колодок — 400 человек.
Углежжение — 350 человек.
Производство сельхозорудий — 250 человек.
Выделка граблей, лопат — 120 человек.
Производство веялок, мялок, сеялок — 70 человек.
Гонка смолы, дегтя — 60 человек.
Другие, мелкие промыслы — 30 человек.

Второе место по количеству занятых в ней кустарей занимала обработка животных продуктов - 5140 человек (1902 год). Эта сфера крестьянской домашней промышленности подразделялась на 7 промыслов:

Катальный — 2750 человек.
Овчинно-шубный — 1010 человек.
Сапожный — 760 человек.
Варежный — 450 человек.
Щеточный — 50 человек.
Шорный — 50 человек.
Рукавичный — 50 человек [23].

Обработкой металлов в Ярославской губернии занимались 3760 человек. 250-350 кустарей работали сусальное золото и серебро, остальные производили изделия из железа и меди.

До 70-х г. XIX века по количеству работников обработка растительного волокна уверенно занимала первое место среди других промыслов.

К началу XX века, в связи с возникновением льняных фабрик в Ростове, Романове и с. Гаврилов-Яме ситуация резко изменилась. Изготовлением товаров из растительного волокна в 1902 году было занято лишь 940 человек. По количеству работников промыслы распределялись таким образом:

Тесемочный — 400 человек.
Веревочный — 350 человек.
Полотняный — 114 человек.
Производство пакли — 90 человек [24].

Среди других промыслов по числу работников выделялись: гончарный (670 человек), изготовление спичечных коробков и папиросных гильз (350 человек), строчильный (230 человек) [25].

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ

В течение длительного исторического периода кустарная промышленность оставалась вне поля зрения государства. Положение изменилось после отмены крепостного

права.

По мнению профессора Л.М. Архиповой, мелкая крестьянская промышленность «представляла собой в пореформенный период важный фактор социально-экономической жизни страны» [26].

Благоприятное развитие кустарных промыслов должно было стать стабилизирующим фактором беспокойной ситуации, сложившейся в российской деревне к концу XIX в., содействовать смягчению аграрного вопроса. Однако власти вынуждены были констатировать факты, которые не могли не вызывать беспокойства и тревоги, как-то: жесточайшая эксплуатация значительной части кустарей со стороны торгового и промышленного капитала; диктат скупщиков и ростовщиков и т. д. Обозревая состояние маслодельного промысла Ярославской губернии во второй половине XIX века, П. А. Критский отмечал: «...следует указать на печальное явление, крайне нежелательное. Маслоделие перешло в руки маслоделов-скупщиков, которые, не имея достаточно скота, скупают молоко у крестьян целой местности; при маслодельне по большей части находится лавка, закрепощающая поселян. Производя расчет за молоко вместо наличных денег товаром, маслодел-лавочник запутывает население, отпуская в долг часто ненужный товар, рассчитывая, что каждый должник во что бы то ни стало для уплаты долга должен ему непременно доставлять свое молоко, а вследствие этого падает и цена на него, и возникает постоянная борьба между продавцом и покупателем. Находясь в постоянной зависимости от лавочки маслодела, поставщик молока не заботится об его качестве, зная, что назначает цену молока маслодел... — продукты производства получают хуже... страдают обе стороны» [27].

Не простое положение в кустарном производстве заставило правительство обратить самое пристальное внимание на кустарные промыслы.

В 1888 году был учрежден Отдел кустарных промыслов при Департаменте земледелия и сельскохозяйственной промышленности Министерства государственных имуществ с ежегодным бюджетом в 35 тысяч рублей, которые расходовались на сбор сведений об источниках сырья, путях реализации продукции. В компетенцию МГИ не входила обязанность «осуществлять реальную заботу о поддержании и развитии кустарных промыслов» [28].

Деятельность отдела позволила выявить основные тенденции развития и угасания промыслов, обозначить проблемы «малой» промышленности и пути их решения.

В 1894 году в отделе сельской экономики и сельскохозяйственной статистики был создан особый совещательный орган — кустарный комитет. На местах кустарным делом заведовали земства, сельскохозяйственные общества, а в некоторых губерниях — кустарные комитеты. В Ярославской губернии был образован губернский кустарный комитет, главной задачей которого являлось создание благоприятных условий для развития кустарной промышленности. С помощью государства предусматривалось создание специальных школ и образцовых мастерских, обеспечение мелких производителей сырьем из казенного ведомства, создание системы мелкого кредита, кооперирование кустарей.

Большое внимание кустарным промыслам уделяло земство, которое устраивало выставки, музеи, образовывало кассы для предоставления ссуды кустарям.

Особое внимание уделялось созданию кустарных артелей. К сожалению, такая форма производства (за исключением кораблестроения и плотницкого по промысла) оказалась нежизнеспособной. Исследователь кустарных промыслов М. Курчинский, анализируя деятельность бурмакинских артельщиков, приходит к такому заключению: «Артель основана с целью поднять промысел, но так как она была и есть теперь без средств, то весьма естественно стала игрушкой в руках более сильных кулаков, которые поспешили укрепить свое положение за счет слабых параграфов артельного устава и полной невозможности применить иные параграфы устава к делу. Сама артель в настоящее время, после пяти лет существования находится в такой плачевной зависимости от кулаков, что изделия свои может продать только дороже, нежели продают крупные кулаки. Кустари, кроме того, чересчур специализировались на приготовлении какого-либо одного предмета, что в сильной

степени связывает им руки... Бурмакинская артель должна по уставу состоять по меньшей мере из 20 членов. Столько их записано в артель, а работает на артель всего три человека (так по крайней мере было в 1897 г.). Три члена артели несут общественные обязанности и потому участвовать в деле не могут, а для остальных артельщиков нет дела по их специальности, и они работают на кулаков. Вот правлению артели вынужденно и приходится пользоваться для исполнения заказов трудом кустарей, стоящих вне артели. Кулаки давно бы прекратили жалкое существование артели, если бы не боялись местного начальства, оказывающего артели известную материальную помощь, равно как и нравственную поддержку делу, что заставляет кулаков относиться к артели не только сдержанно, но даже оказывать некоторый кредит. Сами участники артели, если не считать старосты, относятся к делам артели крайне скептически и если не бросают участия, то тоже, пожалуй, из боязни начальства. Увеличивать число артельщиков не удастся потому, что это неуютно кулакам» [29].

Единственным, пожалуй, примером эффективного внедрения артельного принципа в кустарное производство являлась деятельность товариществ по производству сыра и масла в Рыбинском уезде. Первая артельная сыроварня возникла в 1870 году при содействии Н. В. Верещагина, брата художника В. В. Верещагина, погибшего на броненосце «Петропавловск» в 1904 году. Возглавили сыроварню избранные членами товарищества артельные старосты. Для правильного ведения производства был приглашен опытный мастер. В обучении при артели состояло несколько мальчиков. Первоначально в артельной сыроварне участвовало 50 дворов. Сбыт продукции взял на себя крестьянин Бландов, имевший опыт по торговой части. Крестьяне села Коприна и близлежащих деревень договорились о поставке на сыроварню молока.

Разумное, рачительное ведение артелью своего хозяйства явилось предпосылкой для возникновения второй артельной сыроварни. Количество дворов, состоявших в артелях, возросло до 200.

Через год по инициативе губернского земства открылась третья артельная сыроварня, на устройство которой земство отпустило 1000 рублей. Усилия земства, губернского кустарного комитета по оказанию помощи промыслу имели определенный результат. К началу XX в. в Рыбинском уезде насчитывались 15 сыроварен. В скором времени сыроварение распространилось на соседние Мышкинский и Мологский уезды.

При Копринской сыроварне были учреждены двухлетние курсы голландского сыроварения, где проходили обучение 12 учеников.

В начале XX века губернное земство стало устраивать временные курсы по ведению молочного хозяйства. В 1901 году также обучение было организовано в Ярославле, Данилово, Пошехонье. В Вахтинской сельскохозяйственной школе Даниловского уезда преподавались основы ведения сельского хозяйства, производства молочных продуктов, столярное и кузнечное ремесла.

В Глебовском народном училище Рыбинского уезда преподавалось пчеловедение, в Кукобое при школе была устроена пасека. В селе Александрине Ростовского уезда работала школа садоводства и огородничества.

Распространение знаний, необходимых для эффективной деятельности народного производства, вносили свою лепту и частные лица. Помещик Е.С. Карнович, чья усадьба располагалась на Горе-Пятнице близ села Великого Ярославского уезда, в 30-е гг. XIX. выписал из Бельгии крестьянскую семью. Бельгийцы в течение трех лет обучали местных крестьян способам обработки почвы для посева льна, других культур. В 1894 г. в селе Великом было основано благотворительное общество "Христианская помощь", которое содержало приют на 50 детей и 6 мастерских: иконописную, чулочную, швейную, портняжную, столярную и сапожную. Большую часть средств для содержания детей (около 5 тыс. рублей ежегодно) общество получало по духовному завещанию А. А. Локалова, владельца Гаврилов-Ямской льняной мануфактуры.

Нередко устраивались выставки, на которых «был представлен широкий ассортимент товаров кустарных промыслов». Так, в августе 1903 г. В Ярославле открылась выставка

Северного края, в которой приняли участие промышленники и кустари Ярославской, Нижегородской, Вологодской, Костромской, Тверской и других губерний центральной и северной России.

На открытии выставки присутствовал министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов. Пресса подробно освещала событие: «Дня выставки отведена территория в двух участках, разделенных Петропавловской улицей, недалеко от центра города и в расстоянии около версты от паромных пристаней на Волге. В этих двух участках заключаются два главные отдела выставки — промышленный и сельскохозяйственный. Оба отдела соединяются высоким изящным мостом, который построен дорожным отделом Ярославского губернского земства, и таким образом, является сам по себе экспонатом на этой выставке.

В центре выставки устроена площадка с фонтаном, кругом масса зелени, играет военный оркестр.

Общее впечатление — свежее, радостное, ласкающее глаз.

Мануфактурный и научно-художественный подотделы, входящие в состав промышленного отдела, поражают разнообразием выставленного материала: тут и изделия знаменитых ярославских льноткацких фабрик, и разные машины, и колокола старинной фирмы Оловянишникова, и художественные изделия кустарей» [30].

Статистическое бюро ярославского губернского земства представило картограммы, которые давали объективную картину состояния и жизни сельского населения губернии, его трудовой деятельности: промыслы крестьян, их движения на заработки в столицы, их бедность и богатство. В июле 1903 г. в Ярославль прибыла передвижная учебно-показательная выставка для кустарей и ремесленников, устроенная на барже.

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Интенсивное развитие фабрично-заводской промышленности во второй половине XIX века оказывало все более возрастающее воздействие на характер развития кустарных промыслов, их дальнейшую судьбу и в конечном счете предопределило полный упадок большинства сельских ремесел. Влияние это проявилось в следующем:

В течение XIX века и в особенности во второй половине происходит расслоение, дифференциация кустарей: бедняки, едва зарабатывающие себе на пропитание; средние, более зажиточные кустари, и, наконец, на самом верху — скупщики, слой, постепенно переходящий в сферу купечества.

Анализируя состояние кузнечно-слесарного промысла в Бурмакинской волости, краевед П.А.Критский писал: «Товар сбывается в Москву, Петербург, Ригу, Сибирь; посредниками при этом являются скупщики, на которых, собственно говоря, кустари и работают, т.к. лично самим вести торговлю у них нет ни времени ни средств». Часто кустарь попадает в личную зависимость от скупщика, снабжающего его железом в долг и ссужающего иногда и деньгами» [31].

Аналогичная ситуация складывалась и в других промыслах. Средний слой кустарей исчезает, размывается, переходя в состояние купцов или фабрикантов или опускается до уровня бедняков. Так возникает прообраз двух общественных классов: буржуазии и наемных рабочих.

Типичной становится ситуация, когда ни промысел, ни земледелие не дает возможности прожить чем-нибудь одним из них, а это обуславливает невозможность отказаться как от первого, так и от второго, результатом чего является постоянное полуголодное состояние.

Происходит процесс интенсивного развития некоторых промыслов, в результате чего кустари полностью сосредотачиваются на промысле: «Село Заозерье Угличского

уезда было непашенным, но здесь находилось 150 кузниц» [32].

Соседи кустарей, не занимающиеся ремеслом, арендуют у них заброшенные участки, соединяя в своих руках количество земли, достаточное для успешного ведения хозяйства. Этот процесс можно назвать прогрессивным: и промысел, и земледелие выигрывают от такой специализации: кустарь становится хорошим ремесленником, а крестьянин - хорошим земледельцем. Закономерным итогом развития крестьянских промыслов к середине XIX века стали следующие социально-экономические явления:

1. Некоторые промыслы достигли такой высокой степени развития, что изделия кустарной промышленности вывозились в отдаленные местности России или даже за границу (кузнечно-слесарный промысел Бурмакинской волости Ярославского уезда).

2. Промысел иногда превращался в основное занятие кустарей и распространялся на целые округа (Гарский кузнечно-слесарный район Ростовского уезда).

Распространение промыслов, особенно простейших, идет вширь, что приводит к росту числа кустарей, усилению конкуренции между ними, понижению цен на изделия.

В период экономических кризисов масса мелких кустарных заведений погибает, чтобы дать место более крепким, расширяющимся за их счет. По прошествии кризиса кустари становятся несамостоятельными наемными рабочими и поступают на работу в заведения зажиточных кустарей, сумевших пережить кризис, или на фабрику. Организация промысла приобретает иную форму — богатые кустари, скупщики становятся крупными предпринимателями, а разорившиеся—пролетариями.

Эксплуатация наемного труда в кустарной промышленности была выше, нежели в фабрично-заводской. На фабриках труд малолетних до известного возраста был запрещен, рабочий день был ограничен 11,5-13 час, гигиенические условия были лучше, существовала элементарная охрана здоровья, рабочие могли объявить забастовку. Рабочий день после первой Российской революции сократился до 9-10 часов. Тяжелы были условия труда рабочего на фабрике, но положение кустарного рабочего было еще хуже, контроль со стороны государства над работой кустарных заведений отсутствовал. Заработная плата была еще ниже. Кустари трудились по 14— 16 часов в губительных для здоровья антисанитарных условиях. Труд в лице кустарей был разрознен, не имел организации (профсоюзы).

Само кустарное производство постепенно теряет свой первоначальный характер производства семейного в часы досуга от полевых работ и усваивает черты более совершенного производства:

- 1) с разделением труда,
- 2) с наемными работниками,
- 3) с зависимостью от предпринимателя.

Занятие тем или иным кустарным промыслом охватывало почти полностью как отдельные селения (село Заозерье Угличского уезда), так и группы близ расположенных населенных пунктов, образуя кустарные округа (Шаготский гончарный район).

Хозяйства большинства кустарей находились в упадочном состоянии. Причину возникновения такой ситуации можно истолковать двояким образом:

1. Именно упадок хозяйства побудил некоторых крестьян заняться кустарным промыслом.

2. Занятие кустарным промыслом повлекло за собой развал крестьянского хозяйства.

В условиях быстрого индустриального развития страны некоторые промыслы не только выжили, но и увеличили объемы кустарной продукции благодаря внедрению технических новшеств и организации более совершенных форм производства. В конце XIX — начале XX вв. переживали подъем Бурмакинский и Толгобольский кузнечно-слесарный и медно-паяльный промыслы, тесемочный, веревочный (Норская слобода), гончарный (Даниловский уезд), сапожный (с. Великое), катальный (Ярославский, Даниловский,

Ростовский, Рыбинский уезды) и некоторые другие промыслы.

«Быть кустарем, самому работать и самому же сбывать продукты своего труда— вещь невозможная, — отмечает Е.Ф. Дюбюк, главный составитель статистического сборника «Кустарные промыслы», — и мы видим, что на этой почве очень рано и очень естественно должно было создаться выделение из числа кустарей особых торговых посредников, которые взяли бы на себя сбыт товаров» [33].

Сходную с мнением Дюбюка мысль выражает и экономист Филиппович: «Кустарный промысел (домашняя промышленность), — пишет Филиппович, — характеризуется именно тем, что отдельными людьми у себя на дому при помощи ремесленной техники приготавливаются товары для массового сбыта: этот массовый сбыт становится возможным благодаря посредничеству капиталиста (торговца), который раздает заказы, а в иных случаях доставляют сырье, материалы и орудия, принимают продукты и организуют сбыт» [34].

Таким образом, появление торговых посредников — первый шаг к складыванию капиталистических отношений в кустарной промышленности.

Следующий шаг — предоставление скупщиком кредита «под работ, под изделие», и, наконец, обеспечение кустаря материалом, порождает закабаление кустаря и превращение его в наемного работника.

По мнению Е.Ф. Дюбюка, кустарная промышленность Ярославской губернии во второй половине XIX в. представляла собой «конгломерат самых разнообразных форм промышленности» [35].

«Под общим именем кустарных промыслов, — подчеркивает далее Е.Ф. Дюбюк, — объединяются мелкое и крупное производство, домашняя форма труда и капиталистическая, ремесленные и самостоятельные товаропроизводители с зависимыми и наемными рабочими на стороне; причем преобладающей формой является домашняя система крупного производства (т.е. работа на скупщика) в двух ее основных видах: работа из своего материала и из хозяйского» [36].

По продолжительности рабочего периода кустарные промыслы разделялись на три группы.

Древодельный, овчинно-шубный — менее 6 месяцев.

Катальный, обработка металлов, гончарный — от 6 до 9 месяцев.

Пеленочный, сапожный — от 9 до 12 месяцев.

Е.Ф. Дюбюк полагал, «что чем больше в промыслы внедрялись элементы капитализма, тем больше растягивался рабочий период» [37].

По степени участия женщин в кустарном производстве выделялись в конце XIX в. кружевной (100% женщин), тесемочный (100%), варежный, веревочный, ткацкий промыслы.

Более половины всех кустарей (51,65%) работали на хозяев и являлись в сущности наемными работниками, которыми становились прежде всего малоземельные и безземельные крестьяне, не имевшие ни коровы, ни лошади

Средняя заработная плата кустарей составляла в среднем 1,5 руб. в неделю; недельная оплата в размере 2,5-3 руб. считалась хорошей.

Крепостное право не мешало возникновению и росту мелких промыслов.

Некоторые помещики поощряли их развитие: «кустари были благодаря промыслу более исправными плательщиками оброков, нежели остальные крестьяне» [38].

В Ярославском уезде мебельному промыслу обучил своих крестьян князь Щербатов.

Для обучения промыслам некоторые помещики отправляли крестьян в Москву и Петербург. Возникают крупные предприятия: «вместе с ростом предприятий растет и потребность в разделении труда. В катальном промысле выделяются «шерстобиты», «катали», «стиралы» [39].

Логичным результатом развития более совершенной организации труда явилось «приближение крупных кустарных предприятий (мастерских) к типу мелких и средних капиталистических мануфактур» [40] (сапожная мастерская в с. Великое Ярославского уезда).

Высшую ступень производства представляли крупные предприятия, оснащенные паровыми или керосиновыми двигателями, другими механизмами (сапоговаляльный завод в с. Макарове Ростовского уезда).

Кустарные промыслы обеспечивали Ярославских крестьян почти всем необходимым для повседневной жизни и трудовой деятельности: обувью, одеждой, посудой, орудиями труда...

КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ. ОБРАБОТКА ДЕРЕВА

Более 200 лет назад свыше трети Ярославской губернии занимали леса. Поэтому первое место среди кустарей занимали с 70-х гг. XIX века по своей численности древоделы, которых насчитывалось до 6,5 тысяч (судостроители, посудники, корзинщики).

Крестьяне заготавливали древесину после окончания уборочной страды, предварительно заключив договор с владельцем леса или лесничеством, если лесные угодья были казенными.

Рубка леса в казенном лесу могла производиться: «не иначе как по печатным билетам и письменным приказам лесничего. Оставшиеся после порубки вершины и сучья убирались на места, указанные лесничим, который наблюдал, чтобы отходы не заваливали лесных дорог, рек, ручьев. Деревья, произрастающие в казенных лесах, разделялись на корабельные (лиственница, дуб, сосновые мачтовые большемерные деревья), строевые (вяз, клен, ясень, орех и сосна). К строевым деревьям относились также «еловые, пихтовые, липовые, осиновые и березовые, буде оные на строе годны» [41].

Поделочные деревья (осина, ольха, береза, некондиционные сосна, ель) употреблялись для изготовления деревянной посуды, экипажных принадлежностей, мочал, лубьев, рогож, орудий труда, на жжение угольев, на сидку смолы.

Деревья, отклоняющиеся в своем развитии от нормы, засохшие, относились к дровяным.

Лесные материалы имели право приобретать отдельные домохозяева, товарищества из нескольких домохозяев, сельские общества.

Зимний лес в то время оживал: стук топоров, визг пил, ржание лошадей, шум падающих деревьев, громкий говор людей разносились далеко по лесу.

Одновременно происходила первичная обработка лесного материала: крестьяне-кустари тесали сосновые брусья, шпангоуты, заготавливали материал на кадки, бочки.

Заготовка материала для крупных лесопилен производилась в течение всего года.

В течение XIX века на территории нашего края были созданы предприятия по первичной переработке древесины.

В селе Иловна Мологского уезда располагалась крупная лесопилка, производящая ежегодно лесных материалов на сумму 80 тысяч рублей. В устье реки Сити находился другой крупный завод при усадьбе Владимирской графа Мусина-Пушкина по объему производства вдвое превышающий Иловенский.

В Угличском уезде древесина обрабатывалась на 7 лесопильнях, которые размещались на территории Неверковской, Якимовской, Высоковской и Сигорской волостей.

В деревне Овсянки Боровской волости Даниловского уезда, работали несколько лесопилен, которые покрывали половину потребности уезда в лесоматериалах. В 26 верстах от Рыбинска, на правом берегу реки Шексны, находилась большая лесопильня в селе Сосняги.

С развитием фабрично-заводской промышленности, сети железных дорог, леса стали подвергаться хищнической вырубке. Возникла реальная угроза полного уничтожения лесов на территории Ярославской губернии.

4 апреля 1888 года правительство издало особый закон, устанавливающий меры, направленные против бесконтрольного истребления лесов и предусматривающие устройство правильно организованного лесного хозяйства.

В Ярославской губернии был создан лесохранительный комитет.

Истощение лесных ресурсов вызвало упадок древодельных промыслов: деревянные

поделки стали расти в цене, а качество их ухудшалось. Кустари, не имея возможности приобретать качественный материал, стали изготавливать изделия из второсортного леса.

Число рабочих рук, занятых в древодельных промыслах, постоянно сокращалось.

ПРОИЗВОДСТВО ДЕРЕВЯННОЙ ПОСУДЫ

Этот промысел был сосредоточен в начале XX века в Мологском (Покрово-Ситская и Станиловская волости — 296 работников), Даниловском (Ермаковская волость — 120 работников), Романовском уезде (Малаховская волость — 107 работников). В меньших размерах производство деревянной посуды было развито в Пошехонском, Угличском и Ростовском уездах.

Консервативный, старинный уклад жизни Ярославских крестьян, рождал постоянный спрос на недорогие кустарные изделия из дерева: посуду, мебель, орудия труда, средства передвижения. Для выделки крупной посуды — чаны, бочки — требовалась ель; более мелкой — шайки, лохани — сосна; корыт, колод, желобьев — осина.

Но второй половине XIX века, после возникновения в Пошехонье и Мологском уезде маслоделия, было налажено производство бочонков для хранения и транспортировки сливочного масла из ольхи. В Даниловском уезде из бересты деревенские умельцы изготавливали тусы — сосуды цилиндрической формы, широко использовавшиеся в крестьянских хозяйствах. Не всякая береста годилась для изготовления тусов: этот природный материал должен быть ровным, чистым, толстым. Не сразу отыскивал мастер в лесу подходящую березу — высокую, гладкую. Береста с лежавшим под ней тонким слоем луба именовалась «рубашкой». «Снимали» ее в разгар лета жарким солнечным днем, используя изготовленный из рябины специальный клин. Облюбованную березу пилили «в груди», чтобы поваленное дерево не лежало на земле.

Луб затем отслаивался, либо его аккуратно отделяли от бересты при помощи железного клина. С крупных берез добывали 10-12 «рубашек». Заготовленная береста в домашних условиях подвергалась первичной обработке: неровности срезали ножом, меряли, обрезали, иногда набивали узоры, применяя самодельные штампы или украшали резьбой; заготавливали обручи.

Чтобы придать изделию прочность, крышку и днище мастерили из ели, дно сушили на ровном жару, чтобы оно не рассыхалось и не протекало. Берестой, размоченной кипятком, оправляли дно. Когда береста высыхала, она плотно, накрепко обжимала дно. Шили тусы суровыми прочными нитками. Тусы обладали удивительным свойством: продукты, хранившиеся в них — молоко, сметана, творог; ягоды, соки, вино, квас — долго сохраняли свои свойства, не портились. Воду, квас на пожню, сенокос носили в тусах: жидкость защищенная от солнечных лучей непроницаемой берестой, почти не нагревалась, сохраняя свежесть и прохладу. В тусах можно было солить рыбу и грибы. Тусы выделывались различных размеров: от небольших, способных держать груз в 2 кг, до огромных, способных выдерживать трехпудовую тяжесть.

В Ростовском уезде изготавливали небольшие корзины из корней молодой ели, одинаковы по толщине и цвету, столь плотно прилежавших друг к другу, что такой корзиной, по уверениям старожил, можно было черпать воду из реки или ручья.

ПРОИЗВОДСТВО ОРУДИЙ ТРУДА

Производство сельскохозяйственных орудий труда в той или иной степени было распространено во всех уездах Ярославской губернии. Наиболее значительный объем производства пахотных орудий производили кустари Ярославского, Мологского, Пошехонского, Ростовского уездов. Мастеровитые крестьяне этих районов ладили бороны, сохи, косули-самолеты. Для изготовления рамы к бороне использовали березу, зубьев бороны — дуб, колец — можуху.

Орудия труда предназначенные для обработки льна, зерна — веялки, молотилки, льномялки — izdelывали кустари Ярославского (Толгобольская, Шошпинская волости)

уезда.

Мышкинский уезд занимал ведущее место в губернии по производству и ковершенствованию машин для обработки льна: льномялок, веялок с сортировкой. Крестьяне-кустари выделывали орудия труда в одиночку.

Последнее возникло кустарное заведение (вторая половина XIX века).

«...в деревне Коренево, — пишет краевед В.А. Гречухин,—уже имелась мастерская с тремя наемными рабочими. Трудились они в «амбарчике», хлодной бревенчатой постройке, а в самое холодное время — в избе. Душа всего дела - хозяин мастерской Федор Павлов. Однажды он выписал из Ярославля трехвальную льномялку и по ее образу сделал сам мялку на четыре, а потом и на пять валов. Очень хорошо получилось. Это и стало началом серьезного дела. Мастерская Павловых каждый год выпускала около 40 мялок и несколько веялок» [42].

ПРОИЗВОДСТВО ОРУДИЙ ТРУДА ДЛЯ РУЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПОЛОТНА

В начале XX века тихо незаметно оканчивал свои дни льняной промысел, одновременно уходило в прошлое и производство соответствующих орудий труда, деталей к ним.

Кленовые прядильные гребни, березовые, ольховые веретена, ткацкие челноки продолжали мастерить кустари Угличского уезда (Сигорская волость.). Прялки выделывали в Ярославском (Никольская, Шопшинская волости). Мологском уезде (Леонтьевская волость). В деревне Митькове Угличского уезда кустари в домашних условиях производили ткацкие станы.

В 40-50 г. XIX века этот промысел переживал период наивысшего подъема.

Широкий размах льняного полотняного промысла в селе Великом и его окрестностях и середине XIX века востребовал значительное количество орудий труда по переработке льна, выделке льняного полотна — прялок, ткацких станков. На изготовлении этих «кустарных средств производства» сосредоточили свою деятельность несколько семей сельских ремесленников.

О мастерстве, подлинном профессионализме великосельских кустарей свидетельствует краевед П.А. Критский: «К врожденному уму, сметливости, сноровке его (крестьянина — авт.) надо прибавить еще и способность к переимчивости. Так, давно приезжал какой-то иностранец в село Великое с новыми улучшенными станками и хотел устроить образцовое ткацкое заведение; не получивши выгод, на которые рассчитывал, он уехал обратно, а между тем два-три крестьянина успели подметить удобство нового станка и самоучкою сделали после его отъезда точь-в-точь такой же станок. От них скоро и соседи переняли новинку»[43].

В Даниловском уезде было налажено производство ручных прялок, берд-частей ткацкого стайка, прялок с колесом и ножным приводом.

С другой стороны, Локаловская льняная фабрика в Гаврилов-Яме Ярославского уезда, превратившая в начале 70-х годов полотняный промысел в архаизм, проложила дорогу другому промыслу — точению прядильных катушек для машинного производства (льнопрядильни). Этим промыслом занимались 37 кустарей из Ставотинской и Шопшинской волостей, которые точили катушки из березового леса на токарных станках с ножным приводом. В деревне Ясенево Ярославского уезда в 1901 году существовала мастерская с 16 наемными работниками.

ПРОИЗВОДСТВО ТАРАНТАСОВ, САНЕЙ, ДРОВНЕЙ...

За пределами края были известны изделия Ярославских древоделов, обеспечивающие деятельность гужевого транспорта — сани, телеги, колеса, дуги. Еще в 30-е гг. XIX века великий Гоголь написал похвальную фразу «о расторопном ярославском мужике». Эти строки из поэмы «Мертвые души» стали хрестоматийными: «Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем—гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи.

И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем

с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя расторопный ярославский мужик».

В условиях быстрого развития рыночных отношений повысился спрос деловых людей деревни и города на транспортные средства. Это обстоятельство вызвало к жизни в середине XIX века тарантасный и санный промысел в Даниловском уезде (центр — с. Серeda), где в начале XX века существовало 25 мастерских, в которых изготавливались деревянные части тарантасов и почти полностью сани. Оковка железными полосами колес и полозьев производилась в кузницах. Владельцами мастерских были богатые крестьяне, некоторые из которых имели и собственные кузницы.

Первым тарантасником в Даниловском уезде был крестьянин И.Д. Кирсанов — «ямщик дошлый и изделистый». В гораздо меньшей степени тарантасный промысел был развит в Пошехонском уезде (4 селения), который являлся центром выделки колес и крестьянских дровней. Ступицы ладили из березовых кряжей, спицы — из рябины, ободья — из дуба или ели. Крестьяне 11 селений этого уезда издывали крестьянские дровни. Полозья изготавливали из березового леса, заготовленного ранней весной; их гнули, предварительно распарив в русской печи с помощью особых самодельных приспособлений. Этими промыслами занимались и крестьяне 6 волостей Мологского уезда.

ОБРАБОТКА МЕТАЛЛОВ. КУЗНЕЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

С древнейших времен особо почиталось на Руси кузнечное ремесло. Описание работы русского сельского кузнеца мы находим в книге В. Солоухина «Капля росы».

«Кузовы поселились по соседству с нами, и я скоро подружился с Васей, постарше меня на один год. Несмотря на свой мальчишеский возраст, Вася помогал отцу в его нелегком, но интересном ремесле, так непохожем на все остальные крестьянские работы. Значит, и я по праву друга целыми дням сидел в кузнице.

Самая первая работа, которая была нам по плечу, — то раздувание горна. Казавшиеся нам тогда огромными желтые кожаные меха были нацелены острым концом прямо в горн, полный звонких березовых углей. Ухватившись за рычаг, начнешь нажимать вниз и отпускать сверху, раздастся прерывистый шум от струи воздуха, как бы тяжелое дыхание, и в горне, все более раскаляясь, становясь из желтого зеленым и синим, начнет шумно гореть огонь.

В раскаленные угли Никита Васильевич, ухватив длинными клещами, совал кусок железа, который быстро на глазах, розовел, потом краснел, потом, немного распухнув, становился белым.

Тогда Никита Васильевич теми же или иными клещами быстро вынимал железо из горна и, ловко повернувшись, клал на наковальню.

Легким звонким молотком кузнец ударял по железу, и тотчас молоток его соскальзывал на наковальню, выбивая трель, и точно на то место, по которому ударил молоток, и точно в ту же секунду опускалась кувалда молотобойца.

Значит, молоток кузнеца показывал, куда надо ударить и даже как сильно ударить (молотобоец в тонкостях понимал язык Никитина молотка), а кувалда, ухая, плющила, разминала, сжимала, разглаживала, сгибала и разгибала железо.

Наступал момент, когда снаружи железо, начиная остывать, опять делалось красным и малиновым, а внутри все еще было раскалено добела, белизна просвечивала сквозь малиновый наружный слой, и весь кусок железа казался прозрачным.

Точная музыка молотка и кувалды, сопровождаемая брызжущими в разные стороны звездными искрами, продолжалась недолго (быстро остывает железо на наковальне), но и за это короткое время успевали проступить в бесформенном куске то очертания подковы, то очертания молотка, то очертания лемеха для плуга, то очертания болта, то очертания гайки, то очертания тележного шкворня, то очертания тележной чеки, то очертания косаря — щепать лучину, все умеет сделать Никита Васильевич из мягкого, как воск, разогретого до белизны железа...» [78].

Таким в общих чертах был груд сельских кузнецов и сто, и двести лет назад...

Крупным средоточием кузнечно-слесарного промысла были 45 селений Гарской и

Щениковской волостей с числом кустарей до 1000 человек (Ростовский уезд).

Высокая концентрация кузниц, закопченные темные избы, постоянный запах кузнечной гари (отсюда название села) — таков был облик этого селения на протяжении десятилетий.

Обитатели этого села были врожденными кузнецами, вобравшими в себя знания, опыт предыдущих поколений и передавшими свое мастерство детям и внукам.

По преданию, в XV веке Гари были вотчиной (уделом) князя Ивана Приимкова по прозвищу Черный Дуб, который очень любил это ремесло и сам считался хорошим кузнецом.

Основным направлением деятельности кустарей являлось изготовление металлических деталей к каретам.

В селе Гари ковали винты, в деревне Нечаевке производили нарезки на них; в деревнях Павлицове и Буйниках—опиливши шарниры; в Княгине— раки к рессорам; в других селениях изготавливали втулки, рессоры.

Незначительная часть кустарей работала на своем покупном материале, и заработки их были несколько выше. Покупая железо и уголь из первых рук, они выгадывали рубля полтора с пуда, при продаже своего изделия они получали больше той цены, которую назначили посредники, обиравшие остальных кустарей.

Расположение села Великого на крупнейшем в России тракте Москва-Ярославль обусловлено развитие в этом селении кузнечного промысла. В Великом перековывали лошадей, осуществлялся ремонт повозок, саней. Здесь уже в 1753 году на берегу Черного пруда существовал большой кузнечный ряд, где выделывали подковы, гвозди, петли, полозья для саней. Железо кузнецы получали через раздатчиков хозяина села крупного промышленника, владельца уральских заводов Саввы Яковлева по цене в 3 раза превышающую рыночную. Изделия же кузнецы сдавали по ценам ниже существующих на рынке. Кустари находились в вечной кабале у Яковлева и его раздатчиков железа. В 1874 году в кузницах с. Великое «работало 47 мастеровых выстроили в селе целую улицу, которая получила название «Кузнечиха» [79].

«Норские обыватели в гвоздяных ремеслах упражняются и то гвоздяное дело в лучшем состоянии находится и за наилучшее почитается»,— читаем мы в «Сведениях о ярмарках, купечестве и ремесленниках Углича, Переславля-Залесского, Ростова, Ярославля, Романовской, Рыбной, и Борисоглебской слобод» (1762 год).

Основной становления и развития кузнечного промысла в Борисоглебской слободе на Волге являлось железо, выплавляемое из болотной руды, которая добывалась в долине Шексны.

При Петре I борисоглебские кузнецы выполняли важный государственный заказ — изготавливали гвозди для постройки русского военного флота в Воронеже.

В Борисоглебской слободе в XIX веке насчитывалось 23 кузницы. В XVIII в. здешние кузнецы производили большей частью металлические коромысла и банные котлы (кубы), которые направлялись для продажи в Москву.

Во второй половине XIX века пришел в упадок кузнечно-слесарный промысел в г. Данилово. Раньше даниловские железных дел мастера изготавливали самовары, кованые ковши, медные енды, кофейники, рукомойники, кружки, светцы кованые с красивыми узорами. В начале XX века в городе было лишь одно самоварное заведение.

В Мологском уезде существовал уникальный промысел плавки железа из местной болотной руды, на основе которого возникла обработка металлов кустарным способом. Металлический промысел в этом уезде был единственным из одноптичных промыслов Ярославской губернии, который перерабатывал собственное сырье.

Недалеко от г. Ярославля (близ Толгского монастыря) в некоторых селениях «крестьяне занимаются выделкой самоваров и отливкой из меди мелких вещей» [80].

В Заозерской волости Угличского уезда выделывались косы и серпы.

КАТАЛЬНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Производство теплой валеной обуви возникло на территории нашего края в 40-50-е годы

XVIII века. Возрастающий спрос на валенки, которые постепенно заменяли чуни и лапти, усиление влияния на деревню городского образа жизни и, наконец, падение крепостного права содействовали быстрому распространению этого промысла, центром которого была Сереновская волость Ярославского уезда:

«После 1861 года мало-помалу принимаются катать валенки целыми деревнями, а ныне (1901 г.) вся Сереновская волость» [95].

Всего в Ярославском уезде выделывали валенки крестьяне из 146 селений, принадлежавших 17 волостям (более 1,5 тыс. человек).

Кроме Ярославского, катальный промысел был развит в Романовском, Ростовском, Даниловском, Рыбинском уездах, где катанием валенок занималось 1100 человек.

Роль ремесленной школы, где кустари приобретали «технические навыки и ремесла сыграла Сереновская волость» [96].

Во второй половине XIX века в эту сферу домашней крестьянской промышленности начинают проникать капиталистические отношения: образуются мастерские, катальные заведения с наемными работниками.

Этот процесс усилился после отмены крепостного права. После 1861 года возникло заведений: «в 60-е годы — 2 заведения, в 70-е гг. — 7 заведений, в 80-е гг. - 15 заведений, в 90-е гг. — 23 заведения» [97]. Приведенные выше данные свидетельствуют о динамичном развитии катального промысла в пореформенный период, в особенности в 80-90-е годы. До 1861 года существовало лишь девять кустарных малых предприятий. О развитии катального промысла свидетельствует и статистика.

В начале XX века «все ярославские раздатчики и торговцы покупают ежегодно шерсти на сумму 600 тыс. рублей» [98].

Катальный промысел прошел в своем развитии несколько стадий, на более совершенной из которых — в с. Макарове (Ростовского уезда), Сереновской волости (д. Борниково), Романовском уезде (д. Яковлевское) — возникли заводы по производству валенок, оснащенные паровым двигателем. Процесс изготовления валенок на предыдущих стадиях, в домашних условиях, выглядел таким образом: на столе (катке) мастер настилал холст в форме сапога, клал на него слой обработанной шерсти. Полости свертывались, в середину клали тряпку и начинали катать руками — сращивать шерсть в колпак. Скатанные полки наворачивались на колодку, и к валенку прикатывали подошву и задник, которые срабатывали потолще. Когда сгибы и места прикатки «срастались» колпак переходил к стиральщику до окончательной отделки. «Стирак» (производное от стирать, мыть — авт.) обрабатывал полуфабрикат в горячей воде, затем «укачивал» изделие тяжелым вальком, чтобы «ссадить», уплотнить шерсть, наворачивал колпак на аршин, и, наконец, намывивал валенок и «брил» изделие пемзой.

В 90-е годы XIX века при «стирке» стало применяться купоросное масло, однако это новшество ухудшило качество валенок. В мелких заведениях разделения труда не было. Каталь-одиночка изготавливал за смену 2 пары мужских валенок.

Следующим периодом развития катального промысла стало формирование домашней системы крупного производства. В 90-е годы XIX стремление снизить издержки производства в условиях усиливавшейся конкуренции побуждало хозяев «поставить шерстобитные и чесальные машины с паровыми и керосиновыми двигателями и завести свои заготовочные отделения» [99]. Механизованное производство упразднило ручной труд «стригальщиков» и «каталей», которые превращаются в «стираков», а затем «и их начинает поглощать фабрика» [100].

ВЯЗАНИЕ ВАРЕЖЕК

Этим видом трудовой деятельности занимались в начале XX века 400 женщин Ильинской волости Ростовского уезда. После падения крепостного права работницы освоили новый «немецкий» способ вязания в 5 спиц. Вязание варежек заменило традиционное женское занятие — ручное прядение и ткачество. Шерстяные варежки вязали в 5 селениях

Даниловского уезда.

ОБРАБОТКА РАСТИТЕЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ. ЛЬНЯНОЙ ПРОМЫСЕЛ. ОБРАБОТКА РАСТИТЕЛЬНОГО ВОЛОКНА

По обработке льна Ярославская губерния не имеет равных себе...

П. Критский

Дооктябрьская Россия была великой льняной державой. Доля нашей страны в мировом производстве льна составляла 80 %.

«Весь сбор льна за 1905-1909 гг. в Европейской части России составлял 464 тыс. т. Приблизительно 1/4 часть товарного льна потреблялась отечественной промышленностью, а 3/4 — продавалось за границу. Волокно — сырец, кудель, чесаное волокно, льняное семя, жмых — вся эта льняная продукция была предметом вывоза» [101].

Продажа продуктов льноводства была важным источником пополнения доходной части бюджета — государство выручало «ежегодно до 100 миллионов золотых рублей» [102].

Самые высокомерные льны поставляла на мировой рынок Бельгия, Россия производила и экспортировала волокно преимущественно средних номеров.

После уборки и высушивания на поле крестьяне подвергали лен различным операциям, цель которых — выделить волокна.

Стебель льна пропитан растительным клеем, который связывает волокна и древесину стебля. Для удаления клея вызывали в стебле брожение посредством мочки льна: или росовой — лен расстиляли на луговинах, где он подвергался действию дождя, росы; или лен в пучках погружался в воду (лен-моченец). После этой операции лен сушился, в результате чего достигалось разрушение связи между волокнами и древесиной, которую теперь необходимо было удалить. С этой целью стебли ломали на льномяльных машинах (мятье). В крестьянских хозяйствах широко применялись ручные льномялки. Окончательное удаление частиц древесины (кострики) производилось путем трепания льна. Полученные волокна сортировали и чесали, чтобы выпрямить волокна, разделить их на более тонкие и окончательно удалить мелкие сорные частички и короткие волокна. Затем волокна на ручных прялках соединяли в одну нить и укрепляли ее (скручивание). Полученную в домашних условиях пряжу ткали на ручных ткацких станках в светелках или избях. И, наконец, выработанное полотно отбеливали. Полный цикл переработки льна осуществлялся далеко не во всех крестьянских хозяйствах, которые специализировались на выращивании и переработке льна.

В одной местности занимались только выращиванием льна, его первичной переработкой, в другой — специализировались на изготовлении льняной пряжи; или занимались крашением пряжи и полотна. В некоторых селениях кустари занимались только ткачеством, приобретая готовую пряжу или получая ее через скупщика.

Широко был распространен «северный шелк» и в нашей губернии.

Больше всего засевали лен крестьяне Мышкинского, Ярославского и Пошехонского уездов. Лен в известной мере одевал и кормил сельских жителей нашего края, служил средством к существованию.

К концу XIX века во всех уездах, за исключением Мышкинского и Мологского, проявилась тенденция к сокращению площадей под посеvy льна, место которого занимали картофель и овес.

Крупные сеяльщики льна — писал П. Критский в 1900 году, — десять лет назад сеяли по 30-40 мер на двор; теперь же его высевают лишь 10-15 мер, и в редких случаях 20 мер на двор» [103]. Такое явление возникло вследствие невысоких урожаев этой культуры, низких цен на льняное волокно в последние годы. Производство льна становилось малоприбыльным и в то же время хлопотливым занятием.

Низкая урожайность льна была обусловлена следующими причинами: отсутствием качественных семян, истощением почвы от неправильного севооборота, в результате чего лен

слишком часто выращивался на прежнем месте, недостатком удобрения. Обработка почвы производилась примитивными, допотопными орудиями труда и прадедовскими способами.

Данная ситуация вызывала озабоченность экономического совета при губернской земской управе. Было решено принять меры к тому, чтобы приостановить падение производства льна и вернуть льноводство в прежнее состояние. Ведь в лучшие годы, как отмечал П. Критский, льняного волокна вывозились за пределы губернии и за границу до миллиона пудов ежегодно.

Земство наладило обеспечение крестьян более качественными семенами, более совершенными орудиями труда, устраивало беседы и чтения, с которыми выступали инструкторы по льноводству.

«Лен в Ярославской губернии — утверждает И.Д. Смирнов, — был исключительно крестьянской культурой. Помещичьи хозяйства льном почти не занимались. В среднем 88% льна возделывалось на надельных крестьянских землях и около 12 % — на арендованных. Плата за аренду была высокой и достигала 40-50 рублей за десятину на один посев. При среднем урожае 15 пудов льна с десятины валовый доход от волокна семени (без учета арендной платы) составлял 106 руб» [104].

Возделывание льна было сопряжено с огромными трудовыми затратам со стороны земледельца.

Более высокую по сравнению с другими культурами трудоемкость льна иллюстрирует следующая таблица.

Затраты труда в днях на гектар [105]:

Озимая рожь	Овес	Ячмень	Лен	Картофель	Клевер	Естественные сенокосы
52,6	31,8	29,3	104,4	67,7	21,2	19,6

Размещение льна по уездам губернии в среднем за 1905-1909 гг. выглядело таким образом [106]:

Уезды	Площадь в га	Площадь под льном к площади посевах всех яровых (в %)
Мышкинский	11458	41,4
Ярославский	6185	14,4
Пошехонский	5772	13,8
Угличский	6585	18,2
Мологский	4800	17,6
Ростовский	2827	7,1
Любимский	2557	14,2
Романово-Борисоглебский	2171	11,5
Рыбинский	1801	10,4
Даниловский	1776	7,7

Наиболее высокие урожаи были в Мышкинском уезде, где значительная часть льна размещалась на арендованных клеверищах и где у крестьян накопился большой опыт по его возделыванию. «Все прогрессивные начинания по льну в дореволюционное время берут свое начало в Мышкинском уезде: теребление с подсортировкой стеблей («двойное теребление»), «сколачивание» головок льна с целью повысить качество семян для посева, лущение стерни с последующей зяблевой пахотой посев — все эти приемы были известны льноводам Крюковской, Ново-Никольской, Сменцевской и Архангельской волостей. Лен здесь обычно был на целый сорт (на два номера), выше, чем в других волостях» [107].

В первом десятилетии XX века в зажиточных хозяйствах появляются чугунные двухвальные ручные мялки, которые стоили 25-30 рублей и были недоступны середняцким и бедняцким хозяйствам.

Агрономическая организация губернии предприняла попытку организовать льнотрепальный пункт. В 1910 году первое такое заведение было устроено в деревне Сонково, близ с. Шопши. Через 2-3 года работа пункта прекратилась. Гораздо успешнее (до 1936 г.) функционировал пункт в д. Крюково Мышкинского уезда.

Наиболее высокими по качеству были льны Ярославского, Мышкинского, Пошехонского, Романовского уездов — Ярославские льны превосходили по своему качеству льны соседних губерний. Ярославская губерния в начале XX века имела и наиболее высокий удельный вес льна в валовом доходе полевого хозяйства — 21,6 %, Костромская — 15,8 %, Владимирская — 14 %. Лен в нашей губернии является одной из основных сельскохозяйственных культур.

Ведущая роль Ярославской губернии в становлении льняной промышленности России обозначается более явно, если сопоставить развитие кустарного текстильного производства в Ярославской и Владимирской губерниях, которое до 20-х гг. XVIII века протекало в едином русле — в крестьянских хозяйствах изготавливались льняные полотна.

После Отечественной войны 1812 года стал пользоваться спросом английский миткаль, в Россию стали ввозить английскую пряжу. Миткаль заменил холст, лен стал заменяться хлопком: «В Шуйском уезде во 2-й половине XIX число селений, где кустари занимались переработкой хлопка, доходило до 200 с числом работников до 60 тыс. человек: из них 15 тыс. — работали на фабриках и мануфактурах, остальные — в домашних условиях.

В связи с широким распространением хлопчатобумажного промысла во Владимирской губернии, в с. Иваново, Вознесенском посаде Шуйского уезда появились раздаточные конторы, владельцы которых — купцы — доставляли крестьянам из Москвы бумажную пряжу, принимали от них ткань и доставляли обратно в Москву. В этом крупном промышленном регионе, известном многочисленными промыслами, во второй половине XIX века, «даже собственно кустарное производство тесно связано с фабричным, пряжа покупается на фабриках готовой и только ткется на крестьянских станках» [109].

Бумажные основы перед тканьем должны быть пропитаны мучным клейстером, ошлихтованы, чтобы не путались при тканье. При механическом ткачестве основы шлихтовались на особых станках в очень теплых помещениях, где они одновременно намазывались клейстером, отглаживались щетками, отделяющими нити одну от другой, чтобы не слипались, и просушивались. При ручном производстве крестьяне, не имея возможности шлихтовать основы у себя в избах, заменяли шлихтовку другим способом обработки пряжи — курчением. В особо устроенных заведениях — курчильнях, пряжу для предварительного отделения приставшего к ней масла отваривали в щелоче в течение двух суток; после отжатия ее мочили в клейстере, сваренном из пшеничной муки и воды (из расчета 25 ушатов воды на один мешок муки). Потом нити начинал курчить. Эта тяжелая, изматывающая, утомительная работа производилась в жарко натопленном помещении, где полуобнаженные, обливающиеся потом рабочие, взяв в руки несколько мотков сырой клеевой пряжи начинают бить краями об лежащий на полу гладкий камень, поднимая высоко над головой руки для увеличения силы удара. После нескольких ударов начинали отбивать противоположные концы мотков. В результате постоянного встряхивания и высокой температуры пряжа постепенно высыхала и начинала рассыпаться на отдельные нити. Для окончательной просушки пряжу развешивали в сушильнях. Один работник обрабатывал течение рабочего дня 6 пачек пряжи весом 11-12 фунтов каждая, зарабатывая до 9 рублей в месяц на хозяйских харчах. Начавшаяся в 60 - 70-х гг. поставка из Англии механических ткацких станков существенно подрывала этот кустарный промысел. Ручное производство, чтобы не погибнуть окончательно, вынуждено было отстаивать свое существование более интенсивным напряженным трудом. Итогом конкуренции двух способов производства

явилось понижение цен на все хлопчатобумажные изделия. Миткаль, стоивший в 60-е гг. 5-6 рублей за кусок, на рубеже 70 80-х гг. стал продаваться по 2,5-3 рубля за то же количество ткани.

Посредники постоянно усиливали нажим на кустарей, постепенно закабалия их и обрекая на полуголодное существование.

«Коммиссионеры, или как их прозвали на месте «мастерки», — писал в статье «Очерки кустарной промышленности в России» С. Терновский, - соперничают друг с другом перед фабрикантами в дешевизне и потом стараются создать крестьянам работу как можно дешевле; они нередко закабаливают себе рабочих крестьян, платя за них подати и вообще давая вперед деньги или муку, крупу, соль, свечи и т.п. запасы, которые и держатся нарочно с этой целью. К тому же расплата производится иногда теми же хлопчатобумажными изделиями, которые отдаются рабочим по их номинальной цене, но скупаются у них теми же коммиссионерами за пол цены» [110].

Одновременно выработка льняных полотен во Владимирской губернии год от года неуклонно падала. Такое перепрофилирование было обусловлено двумя основными причинами:

- Хлопчатобумажные ткани были более дешевы по сравнению с льняными, что постоянно повышало спрос на первые и понижало потребность на изделия из льна.
- Хлопок в большей степени, чем какое-либо волокнистое растение податлив к обработке; производство хлопчатобумажных тканей было сопряжено с меньшими затратами.

Поэтому капиталистам Владимирской губернии стало выгоднее обратиться к производству бумажных изделий. В то время, как посевы льна Владимирской и Костромской губерниях за период с 1881 по 1910 гг. сократились на 24 %, в Ярославской губернии за аналогичный период времени, посевные площади, предназначенные для посева «северного шелка» возросли на 13,7 %.

Экономист В. де Ливрен в «Статистическом обозрении Российской империи», изданном в Петербурге (1874 г.), имея в виду развитие текстильной промышленности в Центральной России, отмечал: «.. казалось, что обильное разведение льна должно было вызвать в городах развитие полотняной фабрикации. На самом же деле, если кое-где в городах встречаются полотняные фабрики, то они ничтожны. Взамен этого весьма сильно развилась хлопчатобумажная фабрикация, которая занимает целый округ в самом центре Европейской России ... хлопчатобумажный округ занимает губернию Московскую, часть Владимирской, заволжскую сторону Костромской и города: Ярославль, Тверь, Егорьевск» [111].

В Ярославской губернии хлопчатобумажная промышленность была сосредоточена в Ярославле: ярославские крестьяне кустари на протяжении веков неизменно и настойчиво занимались производством льняных полотен, их деятельность создала необходимые предпосылки для возникновения во второй половине XIX века крупных предприятий по выделке льняных изделий в г. Ростове, Романове, с. Гаврилов-Яме.

ОБРАБОТКА ГЛИНЫ. ГОНЧАРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Ярославский край богат запасами легкоплавкой глины, которые явились основой появления двух промыслов — гончарного и кирпичного. Если легкоплавкая глина не содержит большого количества песка, то она довольно пластична и применяется для изготовления простой посуды (горшков), черепицы, изразцов и называется горшечной или гончарной. Значительная примесь песка делает глину непригодной для формовки более, сложных предметов, она идет на выделку кирпича и называется кирпичной.

Производство горшечных изделий из глины сводится к проведению пяти главных операций:

- 1) заготовка глиняной массы;
- 2) подготовка глины или заминка;
- 3) придание приготовленному материалу желаемой формы или формовка;
- 4) просушка сформированных изделий;

5) обжиг

Описание первой стадии производства изделий из глины в Мышкинском уезде мы находим у В.А. Гречухина в «Истории России и родного края»: «Сами гончары (по-здешнему — горшали) полагали, что происходят от древних рудокопов, добывавших и плавивших болотную руду. Отсюда и большая древность всех способов ее добычи. Как и прежде руду, гончарную (подовую) глину, они брали по зимам из глубоких шахт в руслах вымерзающих ручьев. Рытье шахт и отходов от них (нор) — дело тяжелое и опасное. И сильный человек с великим трудом выроет шахту на девять аршин глубиной. Но вырыл, в другой раз, а глины-то и нету... А случалось, заваливало людей в «норах». На глубине работали в одних рубахах, перекрыв шахту сверху «полотьями», засыпанными землей. Для тепла случалось жечь внутри костерки. Но неожиданно подходила вода и прогоняла тружеников» [112].

Добытую глину на санях доставляли в деревню, вносили в избу, раскладывали на пол и мяли босыми ногами, скатывали с пола влажную пластичную массу и вновь месили, готовили ее к предстоящей формовке. Эту операцию выполняли старательно, на совесть, стремясь придать обрабатываемой массе максимальную однородность, что являлось необходимым условием выделки более или менее качественных изделий.

Затем гончары приступали к третьей стадии — формовке. В избах устанавливали гончарные круги, бесформенные куски материала превращались на глазах в руках умелых мастеров то в кувшин, то в горшок, то в крынку, то в большую корчагу. Работали напряженно, стараясь как можно более полно использовать короткий световой день. Иногда работники склонялись над гончарным кругом и при тусклом свете лучины. От постоянного напряжения глаза утомлялись, слезились. Гончары страдали ослабленным зрением. Сырые изделия для просушки ставили на печь, на лавки.

Топка по-черному в избах гончаров сохранилась дольше: средневековые печи обеспечивали быстрый и качественный обжиг, которому на заключительной стадии подвергались просушенные «горшки». Во время обжита, люди находящиеся в избе, буквально задыхались от дыма, чада и угара; страдали прежде всего органы дыхания...

Готовые обожженные изделия выносили в подсобное помещение. И вновь начиналась тяжелая грязная работа по изготовлению новой партии горшков.

Труд гончаров был, наверно, самым низкооплачиваемым по сравнению с вознаграждением за работу кустарей других промыслов. Как отметил В.А. Гречухин «сто горшков шли всего за два рубля» [123]. Поэтому, наверно, особенность гончарного промысла состояла в том, что между производителями «горшков» и их покупателями не стояли посредники-скупщики. Торговля гончарными изделиями не сулила хорошего барыша. Гончары сами возили свой товар по деревням, к местам торговли.

В.А. Гречухин характеризует гончарный промысел Мышкинского уезда как «самый старинный, самый многолюдный и, пожалуй ... самый бедный» [124]. Этим промыслом занимались в Мышкинском уезде 15 селений Сменцевской и 5 селений Ново-Никольской волости. В 1858 году выделкой изделий из глины здесь занимались 224 гончара. Значительное количество гончарных изделий поставляли на базары и ярмарки губернии кустари Болобановской волости Рыбинского уезда.

Гончарный промысел был развит в Шаготской волости Романовского уезда и двух селениях Даниловского уезда (Холодевская волость). Ведущие позиции в гончарном промысле Ярославской губернии занимали «горшали» Богородской волости Даниловского уезда. Сопоставлял существенные черты гончарного производства в вышеназванных районах сотрудник статистического бюро Ярославского губернского земства, главный составитель статистического сборника. Е.Ф. Дюбюк выделил несколько периодов в эволюции этого кустарного промысла.

Горшечное производство в Мышкинском уезде на протяжении по всего XIX в. олицетворяло одну из примитивных начальных ступеней горшечного производства в сельской местности.

Здесь выделялись преимущественно черные горшки в жилых избах, которые

являлись одновременно и мастерскими.

В 90-е гг. XIX в. в технике производства керамических изделий произошли изменения. Вместо ручных стали применяться ножные круги, благодаря чему освободились обе руки и повысилась производительность труда. Некоторые горшалаи стали переделывать черные горшки в красные с применением сурика в качестве «обливывы» в особых горнах, которые представляли собой огромные, сложенные из кирпича ящики с решетчатым дном. Под решеткой находилась топка. «Облитые» суриком черные горшки помещались в горн, где подвергались термической обработке, и приобретали красновато-желтый оттенок. Появилось и разделение труда (заготовщик, глины, лепщик посуды).

В начале XX в. в Мышкинском уезде преобладала выделка «черной керамики», усовершенствование производства носило эпизодический характер. Большая часть кустарей работала по старинке, дедовскими способами.

Несколькими десятилетиями раньше началась модернизация кустарного производства в Шаготском районе (6 селений Шаготской волости Романовского уезда, 2 селения Холодевской волости Даниловского уезда) и Балабановской волости Рыбинского уезда.

Усиливающаяся конкуренция (появление на рынке чугунной и металлической посуды) побудила местных кустарей сосредоточиться на производстве красной глиняной посуды. А в 70-е гг. XIX в. в Богородском районе Даниловского уезда стала быстро развиваться наиболее совершенная и эффективная форма горшечного производства.

Даниловские гончары стали устраивать заводы — особые гончарные помещения, в которых осуществлялись все операции по производству глиняной посуды.

Гончарни были оборудованы печами усовершенствованного типа.

В начале XX в. в Богородском районе насчитывалось 47 гончарен. 15 них крепких хозяев держали наемных рабочих. Более половины владельцев гончарных заводов имели от 9 до 12 рабочих. В отличие от других центров выделки глиняной посуды Ярославской губернии гончарное производство в Даниловском уезде в начале XX в. переживало подъем и находилось, по мнению Е.В. Дюбюка, в «цветущем состоянии». Этот промысел обеспечивал работой в Богородской и Середской волостях 134 гончара. Гончарный промысел был развит в меньших размерах и в Ростовском уезде.

ОГОРОДНИЧЕСТВО

На «Выставке Северного края», состоявшейся в Ярославле в 1903 году, ростовский священник П. Виноградов представил уникальные экспонаты — результат длительной кропотливой работы.

Посетители выставки с удивлением, неподдельным интересом рассматривали коконы шелковичных червей, высушенные листья шелковицы, а так же листья чисто южных растений, выращенных в климатических условиях средней полосы России искусным садоводом-священником, — пирамидального тополя, грецкого ореха и абрикоса! Всеобщее внимание привлекли зрелые арбуз и дыня, недавно снятые с грядки.

Журнал «Нива» отмечал, что поразительный результат деятельности П.Виноградова стал возможен, «благодаря горячей любви к делу, беззаветной преданности ему, богатым знаниям».

Успех ростовского священника был далеко не случаен. Ростовская земля — родина и центр огородничества Ярославской губернии.

Огородничество здесь имеет многовековую историю. Известно, что этим промыслом занимались меряне, которые жили вокруг озера Неро более тысячи лет назад, и что возникло это занятие несколько позднее древнейших и промыслов — охоты и рыболовства.

Почвы вокруг озера Неро были специфическими, уникальными по своим качествам: темноцветными, богатыми органическими веществами, более пригодными для выращивания овощей, нежели зерновых.

Овощи являлись наиболее дешевыми, доступными для простого люда продуктами питания, что и предопределило интенсивное развитие огородничества в Ростове и его

предместьях Поречье, Угодичах, Сулости, Львах и других населенных пунктах.

Уже в XIV-XV вв. огородничество достигает здесь столь высокого развития, что овощи становятся товаром, который широко расхордил за пределы Ростовской земли.

Краевед П. Критский отмечает, что почти каждый домохозяин Ярославского края имел при доме огород, с которого получал необходимые для себя овощи: лук, свеклу, морковь, капусту, огурцы и картофель.

Однако промышленное значение огородничество впервые в нашем крае получило на Ростовской земле.

Развитие промысла неизменно шло по восходящей линии: огородничество не знало кризисов, упадка, из года в год постоянно увеличивалось производство цикория, зеленого горошка, лука, других овощей.

Интенсивному развитию промысла содействовало наличие в Неро огромных запасов сапропеля — озерного ила, ценного удобрения.

Регулярное внесение сапропеля не только сохраняло, но и повышало плодородие почвы.

Озерный ил превосходил по своим качествам другие удобрения. Из переписных книг Ростова 2-ой половины XVII века известно, что около 30% городского населения занималось огородничеством.

Основными культурами в то время были лук, чеснок, капуста. Из конопли получали конопляное масло. В.И. Даль писал, что ростовчан дразнили присловьем: «У нас-ти в Ростове чесноку-ти, луку-ти, а навоз все коневый».

Важность этого промысла по достоинству оценил Петр I, который отправил несколько ростовских огородников за границу обучаться искусству выращивания, разведения и селекции культурных растений. Наименование

овощей, выращиваемых ростовскими умельцами, увеличивалось, возникло новое направление огородничества—возделывание лекарственных трав.

В 1880 году в Поречье культивировалось около 30 видов овощных культур и лекарственных растений.

В начале XIX века первенствующее значение стало приобретать разведение цикория и картофеля.

Крестьяне деревни Поречье, владелицей которого была графиня Панина, выращивали ежегодно 40 тысяч пудов цикория на сумму до 200 тысяч рублей. В связи с развитием текстильной и кондитерской промышленности, требовавшей в качестве вспомогательного материала картофельного крахмала, картофель приобретает важное промышленное значение.

«Земляные же яблоки (картофель) редко где садыт» [133], — писал в «Топографическом описании Ярославского края конца XVIII в.» губернский землемер, надворный советник Иван Корнев.

В течение XIX века этот экзотический овощ получил в Ярославском крае широкое распространение, стал «вторым хлебом».

Ростовский уезд являлся районом наибольшей концентрации посевов картофеля в Ярославской губернии. В 1881 году картофель занимал в уезде 16% всей его посевной площади, а в 1909 г. — 41%.

Картофель широко культивировался также в местностях Ярославского и Даниловского уездов, примыкавших к Костромской губернии.

И 1889 г. в Ярославской губернии насчитывалось 901 картофелеперерабатывающее предприятие со средней стоимостью производства в 500 руб., в 1909 году количество таких предприятий возросло до 1117, средняя стоимость производства — до 2400 руб. Родоначальником капиталистической паточной промышленности в центральной России стал завод Понизовкина, на котором в 1913 году производилось 1,4 млн. пудов патоки и 28,5 тыс. пудов глюкозы на общую сумму в 3436 тыс. руб.

Постепенно, по мере увеличения объемов овощной продукции, отдавалась

перерабатывающая промышленность. В 70-80-е гг. XIX в. в Ростове и окрестностях возникают современные предприятия, на которых вырабатывались патока, декаприн, глюкоза. В 1875 году француз Мальон построил в Поречье консервный завод, где производилось ежегодно 10-15 тысяч банок зеленого горошка. Среди разводимых растений первое место занимал цикорий (170—200 тысяч пудов ежегодно), затем следовал зеленый горошек — до 20 тысяч пудов. О степени развития огородничества в Ростовском уезде на рубеже столетий красноречиво свидетельствуют следующие цифры. Только по железной дороге со станции Ростов отправлялось ежегодно до 650 000 пудов картофеля, 350 000 пудов лука, 310 000 пудов цикория, 30 000 пудов цикория и 6 000 пудов огурцов.

Огородничество было развито в Даниловском уезде (с. Вятское) и других селениях, откуда вывозилось ежегодно до 1 млн. пудов огурцов, значительное количество капусты. Овощи продавали в Ярославль, Вологду, Кострому, Архангельск. Уже в XVII в. России был известен романовский лук, о котором упоминает протопоп Аввакум в своем «житие»: «Лук на них (дворах в крепости на берегу Байкала, — авт.) растет и чеснок, — болии романовского луковицы, и слаток зело» [134]. В конце XVIII в. крестьяне сбывали ежегодно романовского лука «на 20 тыс. руб» [135].

Специалистам по сельскому хозяйству в России и Европе было хорошо известно имя русского самородка, овощевода -селекционера Е.А. Грачева, происходившего из ростовских крестьян. Рано лишившийся отца, Ефим сумел окончить лишь начальную школу, большую часть жизни Грачев прожил в Петербурге, где на небольшом участке земли проводил смелые опыты по акклиматизации и выведению новых сортов овощных культур, разрабатывал и проверял новые приемы их агротехники. В течение 16 лет он занимался селекцией овощных культур и вывел 4 сорта белокочанной капусты, 12 — репы, 4 — столовой свеклы, до 35 сортов редиса, 25 сортов скороспелой культуры, 3 — лука и 100 сортов картофеля. Важное значение имело то обстоятельство, что многие виды картофеля не были подвержены заболеванию фитофторой.

Ефим Андреевич первый начал выводить помидоры в открытом грунте, был несравненным мастером теплично-парниковой культуры овощей.

Свои знания, опыт Грачев обобщил в книге «Краткое руководство для разведения овощей в крестьянских огородах». Это была первая работа по русскому огородничеству. Выведенные сорта и коллекции Грачев демонстрировал на российских и международных выставках в Вене, Кельне, Филадельфии, Брюсселе.

Самоотверженный труд талантливого крестьянина-самоучки получил высокое признание: А.В. Грачев был удостоен 11 золотых, 41 серебряной и 10 бронзовых медалей. Он был избран в члены Парижской Академии сельского хозяйства. Ростовский овощевод-селекционер оставил заметный след в истории русского огородничества.

ИЗВОЗ

Поздней осенью, когда реки замерзали, основным средством перемещения грузов становился гужевой транспорт.

Благодаря этому торговля не замирала и в зимний период, и сохранялись устойчивые экономические связи между различными регионами России.

Крестьяне, которые не занимались другими промыслами, подражались у купцов доставлять на лошади различные грузы, товары в Вышний Волочок, Москву, Петербург, другие города и селения.

Тянулись по засыпанному снегом трактам обозы, насчитывающие десятки саней.

В сильные морозы и оттепель, стужу и метель преодолевали они сотни километров, чтобы добраться до большого города. Такие поездки могли представлять угрозу не только здоровью, но и самой жизни купцов и извозчиков.

«Направлялись обыкновенно, - пишет в очерке «Колыбель хлебной торговли» Г.Т.Северцев, - или на большую Московскую дорогу, шедшую через Вышний Волочок, или ехали на Мологу горою вдоль реки Мологи, а затем на Тихвин.

Этот последний путь мало употреблялся, так как в тихвинских лесах водились грабители.

Они останавливали не только обыкновенных, легковых проезжих, но и грабили целые гужевые обозы. Нередко проезжие пропадали навсегда вместе с тройкою лошадей, ямщиком и всем своим скарбом; о подобном пропавшем давали знать в полицию, но, заранее знали, что найти едва ли возможно, записывали его в число умерших и пели по нем панихиды» [168].

Извоз имел повсеместное распространение на территории нашего края.

В гораздо большей степени извоз был развит в уездах, через которые пролегали тракты общероссийского значения: Ярославском, Ростовском, Переславском, Рыбинском, Романовском, Даниловском.

Автор «Топографического описания Ярославской губернии» губернских землемер надворный советник Иван Коренев отмечал, что в Ярославском уезде «по зимам большая часть (здешних жителей – авт.), а особенно из семьянистых ездят по дорогам и в извозах с купеческими товарами» [169].

Извоз был одним из самых многочисленных промыслов.

По данным энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона им занималось в губернии в конце XIX в. почти 4800 человек.

ОТХОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

Ярославцев не очень держит земля, но размывает и далеко разносит вода.

Современник

Русский пролетарий представляет собою большею частью находящегося в промышленном отходе земледельца-собственника.

С. Н. Прокопович

В книге «Наш край» П. А. Критский отмечает, что «издавна водворился в Ярославском краю обычай уходить из дома на постоянные заработки в Петербург, Москву, Ригу и другие города» [171]. Число отхожепромышленников, по мнению П. А. Критского, в начале XX века составляло «201 тыс. человек— пятую часть всего крестьянского населения губернии, а сто лет назад в отход отправлялось ежегодно около 60 тысяч человек» [172].

В период существования крепостного права помещики охотно отпускали своих крестьян на заработки в крупные города: крестьяне-отходники исправно платили денежный оброк, так как дорожили возможностью жить на воле в столице и городах.

С падением крепостного права отход не уменьшился, ибо причина отхода — избыток рабочих рук в Ярославской деревне и малоземелье крестьян — в 1861 году не была устранена.

Почти каждая деревня имела в разных городах своих родных и знакомых, готовых помочь земляку.

Наибольшей притягательной силой для ярославцев обладал Петербург. «Питершики» — пишет П. А. Критский, — составляют 3/5 всех отходников (61%)» [173]. Сведения о количестве ярославцев, проживающих в начале XX в. в Петербурге, мы находим в сборнике «Ярославский край» в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона»: «По данным однодневной переписи С. Петербурга 1900 г., в нем было крестьян (уроженцев Ярославской губернии) 102868, мещан — 13072» [174]. Крестьяне, которые не имели в Петербурге родных и знакомых, направлялись с вокзала на Никольский рынок. В статье А. Бахтиярова «Уличная жизнь Петербурга», опубликованной в журнале «Север» (1894 г.), Никольский рынок именуется «биржей для найма чернорабочих».

Желающие найти работу приходили сюда с утра с котомкой и всеми необходимыми инструментами.

Автор называет и «новгородских плотников, и витебских землекопов, и каменщиков, и пильщиков». Ярославцев среди отходников-чернорабочих автор не упоминает. Зато на этой своеобразной бирже можно было встретить женщин из Ярославской, Костромской

губерний, которые приехали в Петербург наниматься для работы на огородах. «В Петербурге все они слывут «капорками», — пишет А.Бахтиаров, — вы сразу отличите их по своеобразному выговору нараспев и по северному слоударению на «о». Босоногие, в белых платочках и красных сарафанах, эти дщери природы невольню обрацают на себя внимание.

На Никольском рынке стоят в это время они (конец апреля — авт.) Сюда приходят и хозяйева-огородники» [175].

Нанимались «копорки» обыкновенно за 8 рублей в месяц «с баней и стиркой». В обязанности женщин входили посадка культурных растений, прополка, полив огородов. Длина гряд составляла 6-7 саженой и 1,5 сажени ширины. Всапывали землю специально нанятые «копали» по цене 7-10 копеек с гряды, по 5 коп. — за обделку каждой гряды [176].

Практическая сметка, незаурядные деловые качества ярославских крестьян были востребованы в различных городах Российской империи и, прежде всего в Петербурге.

«Смышленость ярославского крестьянина и его природная способность на всякое дело открыли ему доступ во все концы нашего обширного государства,— писал «Вестник Ярославского земства» (1875), — но особенно облюбовал он и избрал центром своей отхожей деятельности нашу северную столицу — «славный город Петербург». И там он умел устроиться так, как ему было удобнее: вы не встретите его ни землекопом, ни каменщиком, ни бурлаком, хотя он и живет на Волге, а пошел он приказчиком в лавку, половым или буфетчиком в трактир и на всякую другую должность, требующую не тяжелого труда, а лишь известной смышлености и расторопности; многие из ярославских крестьян обзавелись в столице и собственными заведениями» [177]. О наших земляках-ярославцах, упоминает в своей знаменитой книге «Москва и москвичи» В.А.Гиляровский:

«Тогда в центре города был только один ресторан «Славянский базар» (80-е гг. XIX в. — авт.), а остальные назывались трактирами, потому что главным посетителем был старый русский купец. И каждый из городских трактиров в районе Ильинки и Никольской отличался своими обычаями, своим каким-нибудь особым блюдом и имел своих постоянных посетителей. И во всех этих трактирах присутствовали половые — ярославцы, в белых рубахах из дорогого голландского полотна. «Половые», «шестерки» их прозвания.

—Почему «шестерки»?

—Потому, что служат тузам, королям и дамам.

И всякий валет, даже червонный, им приказывает, — объяснил мне старый половый Федотыч — и, улыбаясь, добавил — Ничего! Козырная шестерка и туза бьет!» [178]

Но пока «шестерка» станет козырной, много ей мытарства надо пройти.

В старые времена, половыми в трактирах были, главным образом, ярославцы — «Ярославские водохлебы».

Однако широко распространенное мнение о том, что Ярославские отходники были заняты преимущественно в торговле и обслуживании тракторных заведений, буфетов, опровергается фактами.

«Даниловский уезд,—пишет П. А.Критский, — выпускает больше всего печников, штукатуров, каменщиков, Мологский — пильщиков, плотников, судостроителей» [179].

О том, что многие из Ярославских крестьян-отходников были заняты на строительстве жилых домов, других объектов, свидетельствует и «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона»: «Широкие размеры имеет так же отход на строительные промыслы в качестве каменщиков, печников, штукатуров, маляров, кровельщиков и др. Этот вид отхода возник едва ли не раньше других. По данным за 1896 год общее число уходящих на сторонние заработки достигало в Ярославском уезде 16922 чел., Рыбинском — 12274, Пошехонском — 9134, Мологском — 14790, Ростовском — 17670, Любимском — 8072, Даниловском — 10420, Ром.-Борисоглебском — 9835, Угличском — 17710, Мышинском — 12780, всего — 129515 человек, из которых занимающихся торговой деятельностью было зарегистрировано 48381» [180].

В статье «Крестьянство и пореформенная фабрика» С.Н.Прокопович отмечает, что «по переписи 1897 г. губернии Европейской России дали всего 7.058 138 ч. рабочих и прислуги или

7,6% всего наличного населения» [181].

Среди губерний, поставивших наибольший процент (свыше 10%) рабочей силы в промышленность и на строительство от общего количества населения деревни автор называет Владимирскую — 15,2%, Ярославскую — 13,9%, Костромскую — 10,4%.

Причем — по словам С.Н. Прокоповича, около 1/3 отходников составляла крестьянская молодежь в возрасте 20-29 лет.

Исследуя развитие отхожего промысла, его причины в связи с состоянием крестьянского хозяйства отхожепромышленников автор выявляет закономерность.

«По данным обследования 1899 года, — утверждает автор, — процент лиц, занятых промыслами находится в обратной зависимости от площади посева хлебов.

Чем выше площадь посева на семью, тем меньший процент мужчин в рабочем возрасте занимается промыслами» [182].

Каждый уезд имел какой-либо, преобладающий отходный промысел: ростовчане занимались огородничеством, выходцы из Угличского, Любимского, Мышкинского уездов служили в трактирах и торговых заведениях, романово-борисоглебцы зарабатывали на жизнь портными, шубным ремеслами.

Крестьяне-отходники Ярославского уезда большей частью «оставались в пределах своей губернии — 55,5%, в столицы — 36%, в другие губернии — 8,5%.

По продолжительности отсутствия громадный процент падает на отсутствие круглый год — 58,2%» [183].

В статье М.М. Постниковой-Лосевой «Серебряное дело в Ярославле в XVIII-XIX веках» упоминаются имена крепостных и временнообязанных крестьян, которые занимались в Ярославле серебряным делом:

«Хитров Иван в 1857 г имел одного работника, Сергей Терентьев в 1867 году имел вывеску подмастерьев и учеников» [184].

В отдельных уездах с наиболее развитым отходом — Угличском и Рыбинском-запашка, земледельческое хозяйство обслуживало только главные продовольственные нужды семьи отходника.

Отхожие промыслы являлись важнейшим средством прокормления крестьянской семьи. «Отхожие промышленники, — пишет А.П. Критский, присылают и приносят в деревню ежегодно около 16 млн. рублей, между тем как доход от земли ярославских крестьян равняется всего 8 млн. рублей» [185].

Значительное влияние оказывало отходничество и на культурное развитие населения.

Для устройства на стороне требовалась хорошая подготовка на родине; поэтому отправлялись на чужбину главным образом уже по окончании курса начальной школы.

По своим масштабам, численности рабочей силы отхожий промысел значительно превосходил остальные промыслы и был доминирующим в Ярославской губернии.

Литература

1. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М. 1960. Т. 1. С. 72.
2. Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Введение. М., 1876.
3. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М. 1960. Т. 1. С. 63.
4. Там же. С. 73.
5. Канчаловский П. От Москвы до Архангельска. Введение. М. 1897. С. 7.
6. Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Введение. М., 1876.
7. Ключевский В.О. О русской истории. М., 1993. С. 85.
8. Там же. С. 102.
9. Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Введение. М. 1876.
10. Курчинский М. Русская кустарная промышленность // Жизнь. СПб. 1901. №3. С. 103.
11. Критский П. А. Наш край. // Ж. «Русь». Ярославль. 1998. № 3. С. 52.
12. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 27. М., 1965. С. 54.
13. Шадрин И. Россия в половине XX в. // Ж. «Жизнь для всех». СПб. 1914. №3. С. 428.
14. Английские путешественники в Московском государстве. Л. 1937. С. 56.

15. Всенародная история Российского государства. М. 1881. Т. 2. С. 60.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. 1989. С. 501.
17. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М. 1965. Т. 27. С. 100.
18. Там же. С. 89.
19. Пичета В. И. Помещичье хозяйство накануне реформы. Великая реформа. М. 1911. Т. 3. С. 129-130.
20. Там же. С. 130.
21. Пичета В. И. Помещичье хозяйство в Великороссии XVIII в. Великая реформа. М. 1911. Т. 2. С. 11.
22. Кустарные промыслы. Статистический сборник по Ярославской губернии. Выпуск 14. Ярославль. 1904. С. 4.
23. Там же. С. 3-4.
24. Там же. С. 4.
25. Там же. С. 5-6.
26. Архипова Л. М. Правительственные и земские мероприятия по развитию мелкой крестьянской промышленности в конце XIX - начале XX века // Социально-экономическое развитие Поволжья в конце XVIII-XX веках. Ярославль, 1991. С. 74.
27. Критский П. А. Наш край. //Ж. «Русь». Ярославль. 1998. № 3. С. 59.
28. Архипова Л. М. Правительственные и земские мероприятия по развитию мелкой крестьянской промышленности в конце XIX - начале XX века. // Социально-экономическое развитие Поволжья в конце XVIII-XX веках. Ярославль, 1991. С. 74.
29. Курчинский М. Русская кустарная промышленность. //Ж. «Жизнь». СПб. 1901. № 3. С. 100-101.
30. Выставка «Северного края» в Ярославле. //УЖ. «Нива». СПб. 1903. № 35. С. 707-708.
31. Критский П. А. Наш край. //Ж. «Русь». Ярославль. 1998, № 3. С. 5.
32. История Ярославского края. Ярославль. 2000. С. 127.
33. Кустарные промыслы. Статистический сборник по Ярославской губернии. Выпуск 14. Ярославль. 1904 г.
34. Там же. С. 26
35. Там же. С. 25.
36. Там же. С. 25.
37. Там же. С. 25.
38. Там же. С. 35.
39. Там же. С. 9.
40. Там же. С. 25.
41. Лесной устав. СПб, 1899. С. 32
42. Гречухин В. А. История России и родного края. Мышкин. 1996. С. 107.
43. Критский П. А. Наш край. //Ж. «Русь». Ярославль, 1998, № 3. С. 37.
44. Рыбинск. Документы и материалы по истории города. Ярославль, 1980. С. 50-51.
45. Ушинский К. Д. Детский мир СПб. 1863. С. 94.
46. История Ярославского края. Ярославль. 2000. С. 145
47. Северцев Г. Т. Колыбель хлебной торговли. // Сб. «Знание и польза». СПб. 1905. Кн. IV. С. 18.
48. Там же. С. 21.
49. Семенова Г. Брейтово. //Ж. «Русь». Ярославль. 1998. № 3.
50. Гиляровский В. А. Соч. в 4-х т. М. 1989. Т. 1. С. 47-48
51. Кустарные промыслы. Статистический сборник по Ярославской губернии. Выпуск 14. Ярославль. 1904. С. 85.
52. Там же. С. 85.
53. Там же. С. 86.
54. Бахтияров А. // Ж. «Бог — помощь». СПб, 1909, Апрель. С. 20.
55. Гиляровский В. А. Т. 1. С. 48.
56. Там же. С. 49.
57. Там же. Т. 1. С. 50.
58. Ушинский К. Д. Детский мир. СПб, 1863. Т. 1. С. 49.
59. Гиляровский В. А. Т. 1. С. 54.
60. Там же. С. 53.
61. Там же. С. 54.
62. Там же. С. 57.
63. Там же. Т. 1. С. 49.
64. Мельников (Печерский) П. И. В лесах Ч. 1. С. 7.
65. По следу ярыжного промысла. «Былое». Приложение к журналу «Родина». М. 1996. № 12. С. 16.

66. Там же. С. 16.
67. Критский П. А. Наш край. // Ж. «Русь». Ярославль. 1998. № 3. С. 62.
68. Гиляровский В. А. Т. 1, С. 59.
69. Там же. С. 60.
70. Там же. С. 61.
71. Ж. «Нива». СПб. № 36. 1902. С. 720.
72. Там же. С. 720.
73. Ушинский К. Д. «Детский мир». СПб. 1863. С. 96.
74. Северцев Г. Т. Колыбель хлебной торговли. // Сборник «Знание и польза». СПб. 1905. Книга 3. С. 27.
75. Там же. С. 28.
76. Мельников (Печерский) П. И. В лесах. М., 1992, Кн. 1. С. 191.
77. Солоухин В. А. Созерцание чуда. М. 1986. С. 60.
78. Солоухин В. А. Лирические повести. Ярославль. 1967. С. 362-363.
79. Яковлев Л. В. Село о котором писал Ленин. Ярославль. 1988. С. 18.
80. Ярославский край в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона». Ярославль. 1996. С. 245.
81. Тарасова Н. Я. Материалы государственного Ярославско-Ростовского музея-заповедника по Бурмакиным кузнечно-слесарным промыслам. Краеведческие записки. IV. Ярославль, 1960. С. 255.
82. Кустарные промыслы. Статистический сборник по Ярославской губернии. Выпуск 14. Ярославль. 1904. С. 13-14.
83. Там же. С. 130.
84. Там же. С. 135.
85. Там же. С. 147.
86. Ярославская губерния. Список населенных пунктов по сведениям 1859 года. Издание центрального статистического комитета, СПб, 1865. С. 36.
87. История Ярославского края... Ярославль, 2000. С. 73-74.
88. Дитмар А. Б. Над старинными рукописями. Ярославль. 1972. С. 31
89. Кустарные промыслы. Статистический сборник по Ярославской губернии. Выпуск 14. Ярославль. 1904. С. 12.
90. Критский П. А. Наш край. // Ж. «Русь». Ярославль. 1998. № 3. С. 58.
91. ГАЯО. ф. 100. оп. 3. д. 452.
92. Критский П. А. Наш край. // Ж. «Русь». Ярославль. 1998. № 3. С. 56.
93. Архангельский В. По земле Ярославской. Ярославль, 1960. С. 72.
94. Дитмар А. Б. Над старинными рукописями. Ярославль. 1972. С. 71.
95. Кустарные промыслы. Статистический сборник по Ярославской губернии. Выпуск 14. Ярославль. 1904. С. 329.
96. Там же. С. 333.
97. Там же. С. 331.
98. Там же. С. 342.
99. Там же. С. 336.
100. Там же. С. 337.
101. Смирнов И. Д. Из истории льноводства в Ярославской губернии перед революцией // Краеведческие записки. Ярославль. Вып. IV. 1960. С. 246.
102. Там же. С. 246.
103. Критский П. А. Наш край. // Ж. «Русь». Ярославль. 1998. № 3. С. 48.
104. Смирнов И. Д. Из истории льноводства в Ярославской губернии перед революцией // Краеведческие записки, Вып. IV. Ярославль, 1960. С. 243.
105. Там же. С. 244.
106. Там же. С. 245.
107. Там же. С. 245.
108. Герновский С. Очерки кустарной промышленности в России. // Ж. «Живописное обозрение», СПб, 1881, № 30. С. 270.
109. Там же. С. 170.
110. Там же. С. 170.
111. Ливрен В. Статистическое обозрение Российской империи. СПб. 1874. С. 44.
112. Критский П. А. Наш край. // Ж. «Русь». Ярославль. 1998. № 3. С. 56.
113. Там же. С. 56.

114. Там же. С. 56.
115. Яковлев Л. В. Село, о котором писал В.И. Ленин. Ярославль. 1988. С.12.
116. Критский П. А. Наш край. //Ж. «Русь». Ярославль. 1998. 33 С. 56.
117. Соловьев С. М. История России с древнейших времен М. 1963. С.476.
118. Яковлев Л. В. Село, о котором писал В.И. Ленин. Ярославль. 1988. С.23.
119. Там же. С. 15.
120. Дитмар А. Б. Над старинными рукописями. Ярославль. 1972. С. 69.
121. Кустарные промыслы. Статистический сборник по Ярославской губернии. Выпуск 14. Ярославль. 1904. С. 429.
122. Гречухин В. А. История России и родного края. Мышкин, 1996. С. 105.
123. Там же. С. 105.
124. Там же. С. 105.
125. Яковлев Л. В. Село, о котором писал В.И. Ленин. Ярославль. 1988. С. 19.
126. И.С. Аксаков в его письмах. М. 1888. т. 2. С. 347.
127. ГАЯО. ф. 485. оп. 2. д. 48.
128. Вересов А. Питерские умельцы. Л. 1986. С. 101.
129. Ярославский край в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона». Ярославль. 1996. С. 203.
130. Там же. С. 203-204.
131. Гречухин В. А. В столице Русской Атлантиды. //Ж. «Русь» Ярославль. 1998. № 3. С. 147.
132. Районы Ивановской промышленной области. Москва-Иваново 1933. С. 18.
133. Дитмар А. Б. Над старинными рукописями. Ярославль. 1972. С. 29
134. Житие протопопа Аввакума. «Изборник». М. 1969. С. 50.
135. Дитмар А. Б. Над старинными рукописями. Ярославль. 1972. С. 57
136. Критский П. А. Наш край. //Ж. «Русь». Ярославль. 1998. № 3. С. 49.
137. Яковлев Л. В. Село, о котором писал Ленин. Ярославль. 1988. С. 20
138. Там же. С. 20.
139. Школа народного искусства. //Ж. «Нива». СПб. 1914. № 6. С. 114.
140. Выставка «Северного края» в Ярославле. //Ж. «Нива». СПб. 1903 № 3. С. 707.
141. Суслов И. М. Ростовская эмаль. Ярославль. 1959. С.13.
142. Кустарные промыслы. Статистический сборник по Ярославской губернии. Выпуск 14. Ярославль. 1904. С. 148.
143. Краеведческие записки. Ярославль. 1960. Выпуск IV. С. 136, 145, 148.
144. Суслов И. М. Ростовская эмаль. Ярославль, 1959. С. 13.
145. Там же. С. 20.
146. Ленин В. И. Собрание сочинений. Т. 3. С. 308.
147. Грешневиков А. Н. Копье Пересвета. Ярославль. 1993. С. 245.
148. Мельников (Печерский) П. И. В лесах. М., Скорина, 1992, ч. I. С. 7.
149. Ильин И. Творческая идея России. //Ж. «Москва». М. 1996. №6. С.117.
150. Там же. С. 176.
151. Солоухин В. А. Лирические повести. Ярославль. 1967. С. 212-213.
152. Там же. С. 213.
153. Гречухин В. А. По реке Сить. М, 1990. С. 118.
154. Там же. С. 118.
155. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. IV. М., 1960. С. 494.
156. Ковалев И. Ростов Ярославский. Ярославль, 1957. С. 30.
157. Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию в 1698 и 1699 гг. СПб. 1906. С. 213.
158. Критский П. А. Наш край. //Ж. «Русь». Ярославль. 1998. № 3. С. 51.
159. Всенародная история Российского государства. «Святая Русь». М. 1881. С.53.
160. Северцев Г. Т. Колыбель хлебной торговли //Сб. «Знание и польза» Кн. IV. СПб. 1905. С. 19.
161. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 154.
162. Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 363
163. Там же. С. 108.
164. Цит. по Б. Носик. По Руси Ярославской. М, 1968. С. 101.
165. Буторин Н. В., Поддубный А. Г., Стрельников Л. С. Малинин Л. К. Плещеево озеро. Ярославль. 1987. С. 28.
166. Конюшев К. В. Тутаев. Ярославль. 1989. С. 13.
167. Архангельский В. По земле Ярославской. Ярославль. 1960. С. 111.

- 168.Северцев Г. Т. Колыбель хлебной торговли.// Сб. «Знание и польза». СПб. 1905. Кн. V. С. 32.
- 169.Дитмар А. Б. Над старыми рукописями. Ярославль. 1972. С. 30.
- 170.Там же. С. 17.
- 171.Критский П. А. Наш край. //Ж. «Русь». Ярославль. 1998. № 3. С. 61.
- 172.Там же. С. 61.
- 173.Там же. С. 61.
- 174.Ярославский край в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона». Ярославль. 1996. С. 254.
- 175.Бахтияров А. Уличная жизнь Петербурга.//Ж. «Север». СПб. 1894. №16. С. 911-912.
- 176.Там же. С. 912.
- 177.Вестник Ярославского земства. 1875. № 37-33. Статья «Центры производства главнейших видов кустарной промышленности в Ярославской губернии». С. 61.
- 178.Гиляровский В. А. Сочинения в четырех томах. М. «Правда». 1989. Т. IV. С. 320.
- 179.Критский П. А. Наш край. //Ж «Русь». Ярославль. 1998. № 3. С. 61.
- 180.Ярославский край в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона». Ярославль. 1996. С. 254.
181. Прокопович С. Н. Крестьянство и пореформенная фабрика. «Великая реформа». Издание т-ва И.Д. Сытина. М. 1911. Т. VI С. 271-272.
- 182.Там же. С. 272.
- 183.Ярославский край в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона». Ярославль. 1996. С. 245.
- 184.Постникова-Лосева М. М. Серебряное дело в Ярославле в XVIII-XIX веках. С. 147.
- 185.Критский П. А. Наш край. //Ж. «Русь». Ярославль. 1998.№3.С. 61.
- 186.Дмитриев С. С. Народнохозяйственные выставки в Ярославской губернии до 1861 года. Краеведческие записки. Выпуск IV. Ярославль. 1960. С. 224.
- 187.Там же. С. 229.
188. Там же. С. 229.
189. Там же. С. 231.
190. Там же. С. 230.
191. Там же. С. 230.
192. Там же. С. 232.
193. Там же. С. 232.
194. Слобожанин М. Что неотложного нужно сделать для мелкой промышленности?// Ж. «Жизнь для всех». СПб. 1915. № 7. С. 1078.
- 195.Архипова Л. М. Правительственные и земские мероприятия по развитию мелкой крестьянской промышленности в конце XIX - начале XX вв. Социально-экономическое развитие Поволжья в конце XVIII-XX вв. Ярославль. 1991. С. 80.
- 196.Миролюбов П. Кооперативное движение в России. //Ж. «Жизнь для всех». СПб. 1913. № 9. С. 1325.
- 197.Маневрин Б. Мелкий кредит и кооперация. //Ж. «Жизнь для всех». СПб. 1913. № 9. С. 1289.
198. Архипова Л. М. Правительственные и земские мероприятия по развитию мелкой крестьянской промышленности в конце XIX - начале XX вв. Социально-экономическое развитие Поволжья в конце XVIII-XX вв. Ярославль. 1991. С. 84.
199. Слобожанин М. Что неотложного нужно сделать для мелкой промышленности?// Ж. «Жизнь для всех». СПб. 1915. № 7. С. 1082.